

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩИЙ
— ДУХ СОЗИДАЮЩИЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

инв. № 48-1256

СОДЕРЖАНИЕ:

У двух могил.
 Наши задачи.
 Кооперация и анархизм.
 Смертная казнь.
 Девятнадцатый раз. (Стихотворение).
 Первое Международное Товарищество Рабочих.
 Об анархизме, критицизме и скептицизме, а также о философии и библиофильстве.
 Записи тюремные.
 Вступительный и опустошающий манифест к чернознаменцам.
 Поход чернознаменцев. (Стихотворение).
 Бюллетень Об'ед. Ком. Защиты Заключ. Революц. в России.
 Отчеты и заявления.

ОТЧЕТЫ И ЗАЯВЛЕНИЯ.

ДЕНЬ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ.

В г. Бал-ре на вышеозначенную цель собрано 50.00. Жертвовали следующие товарищи:

П. Ж. — 5.00, А. Я. — 5.00, Ф. С. — 5.00,
 С. В. — 1.00, С. Щ. — 1.00, Н. Г. — 1.00,
 Г. Д. — 5.00, Л. Г. — 2.00, М. Д. — 2.00,
 И. М. — 5.00, Мужик — 4.00, Н. К. — 1.00,
 А. Щ. — 1.00, С. Б. — 1.00, А. С. — 2.00,
 Д. С. — 1.00, П. С. — 2.00, М. В. — 2.00,
 Архип — 2.00, И. Л. — 2.00.

Гр. ан.-ком. г. Бал-р.

Н. И. 7.00
 Итого — 70.25

День рабочей печати.

Га — рд 15.00
 Юнг — он 25.00
 Бал — ре 50.00
 Н. И. гр. № 2 16.00
 Итого — 106.00

Фонд.

Га — д 5.00
 С. Бет — м 6.70
 Итого — 11.70

Всего прихода — 187.95

ОТЧЕТ ФЕД. СЕКРЕТАРЯ

ОТ 1-го ИЮНЯ ПО 1-е ИЮЛЯ 1924 ГОДА.

ПРИХОД:

За "В".

Бо — н 9.00
 Гар — д 7.00
 Юнг — он 6.45
 Бериссо С. Р. Р. Арг. 5.00
 Еф — ав 1.00
 Дж. С — ти 2.40
 Ма — н 3.95
 Роч — ер 5.00
 Гр — нт 1.50
 Лос. Ап — с 3.75
 С. Бет — м 9.00
 Дет. гр. № 1 12.50
 Дет. гр. № 2 5.70

РАСХОД:

Выпуск журнала № 54 159.00
 Рассылка 16.50
 Мелкие расходы 1.00
 Итого — 176.50

Приход — 187.95

Расход — 176.50

С мая месяца дефицит — 47.13

В итоге дефицит — 35.68

К сведению товарищей: При чтении журнала каждый товарищ видит, что получается дефицит в кассе. Но некоторые тов. по пять и шесть месяцев не расчитывались за журнал. Желательно, дабы товарищи в этом отношении были более аккуратны.

Р. S. — 20 долларов тов. Гар — да высланы в Россию.

У ДВУХ МОГИЛ.

Несясь на крыльях времени, мы поровнялись в настоящее время с двумя могилами, остановившись у которых и хотя бы на миг "отложить житейские попечения", — необходимо. Во-первых, это обще-человеческий долг: потомки не забывают, или не должны забывать, своих предков. Во-вторых, наша тропа — тропа русских анархистов в Америке — к этим могилам как будто начала зарастать широким лопухом и покрываться пылью. Насколько помнится, в последнем году мы совсем не паломничали к этим холмикам, или ограничивались одними лишь пожеланиями на этот счет.

Впрочем оно и понятно: не до этого было. В том бурном водовороте, какой мы переживали в последнее время, подобные вещи казались пустячными, сентиментальными и даже предрасудочными. В очереди разрешения стояли задачи иные... Не о небе приходилось думать. Нет... Весь мир в стремительном вихре неся в какую то пропасть, топка все светлое и великое. Никому и ничему не было пощады. Тела малюток, груди отцов... служили лишь "насыпью", по которой катилась кровавая колесница. Храмы и святыни были отведены под конюшни и под вертепы. Все было забыто, все заброшено. Только хохот дьявола да скрежет зубовый неслись отсюда.

Продолжается, впрочем, этот "свистотанец" еще и по ныне. Еще и теперь житейский корабль сильно качается бурей. Еще и сейчас почти всех и почти все помыслы направлены — чтобы не вылететь за борт... Но все же... все же уже находимся за перевалом. С каждым шагом становится тише, с каждым днем — светлее. Полночь — миновала. Впереди — рассвет.

Есть, следовательно, некоторая возможность отложить житейские попечения, — вырваться из тягучей повседневщины и взглянуть на мир божий. И пользуясь этой, хотя бы и маленькой возможностью — не преминем проторить тропинки к родным холмикам... Не преминем — по-

дойдем к самым могилам и... выразиться можно разное: погустим, поплачем, преклоним колена, и помолимся, побеседуем бессловесно с теми, что "там", или просто — отдохнем и ободримся.

Задача, надо сказать, не из легких: бурей мы отнесены далеко в сторону, а время успело покрыть могилы травой. Но стоит ли обращать внимание на трудности? Стоит ли бояться усталости? Кажется, это не в наших интересах. Мы этого, кажется, не боимся. Нам никогда ничего легко не доставалось. Всегда и все мы добывали с трудом, "в поте лица". Да при том, разве не страдно потрудиться ради такого благого дела, какое мы себе намечаем? Разве не лестно объявить себя перед теми хотя бы частицей, кому мы в сущности обязаны всем? Женщина из Вифании ноги мыла Ему — и была счастлива. Наше же положение несравненно лучше этой женщины. Мы никому не обязаны мыть ног. Наш долг лишь не забывать тех, кто шел впереди нас, кто рассек воды Черного моря и оградил нас от разных фараонов. Мы пока еще подвержены пыткам телесно, но духовно мы уже оставили Египет. У нас уже имеются свои духовные сокровища и убежища, — свои жертвенники и алтари, созданные теми, чей образ в данном случае мы пытаемся воспроизвести.

Одна лишь нерадость при этом закрадывается: это — удастся ли нам выполнить свою скромную задачу? Среди нас, как известно, нет великих Данте... мы не можем отправиться "туда" и рассказать как живут "там". Все мы — простые смертные и имеем доступ лишь "до порога". Иначе говоря, нам доступны только вещи, как таковые, но не их воплотители. Мы можем отыскать и констатировать лишь следы, но те, чьи эти следы, нам не доступны. А на основании одних следов не всегда легко говорить о том, кому они обязаны. Но что же... нельзя, повидимому, желать больше возможного. Приходится довольствоваться предельным. Приходится ограничиться лишь "до могил", — указать и

взглянуть на них. А что "там" — "там" и остается.

Не трудно, конечно, "по следам" отыскать эти могилы, хотя путь к ним от пункта современности и долог.

На общем кладбище "июльских могил" они заметно выделяются, обособляются — и уже издали отчетливо ясны их очертания. Одна из них насыпана 48 лет тому назад (в 1876 г.), а другая — двадцать девять лет спустя (в 1905 г.). В одной из них покойся тот, кто своим бунтарским духом потрясал устои всемирного рабства и несправедливости, а в другой — тот, кто своей лучезарной чистотой заставлял корчиться фарисеев и приспешников мракобесия. В одной — М. Бакунин, а в другой — Э. Реклю. Вот — и все, вот и вышка, откуда все открывается, все простирается. Произнося имя Бакунина и Реклю — тем самым загорается факел во всей силе и освещает всю полноту картины. Всякие предубеждения, всякие предвзятости при этом — излишни: имена сами за себя отвечают.

Имена Бакунина и Реклю слишком ярки, слишком блистательны и известны во всеобщем масштабе. От островов Англии до островов Японии, от Стокгольма до Буэнос-Айреса звучат они неувыдаемой славой. Каждый культурный человек, если только ярлык "культурный" не пришит искусственно, не может не знать Бакунина и Реклю. Без Бакунина также нельзя изучать истории социальных движений, как нельзя изучать, скажем, Реформацию без Лютера. А не зная имени Реклю, нельзя изучать истории науки, как нельзя изучать ее не зная Дарвина. Оба имени — Бакунин и Реклю — слишком тесно вошли и мощно укрепились в общем положении истории — и обойти их нет ни малейшей возможности. Только при предвзятом легкомыслии или явном искажении истины можно так поступать, т. е. обходить те имена, которые и составляют общую цепь исторического развития.

Но если имена Бакунина и Реклю ярки и блистательны во всеобщем масштабе, то в кругу того мировоззрения, носителями которого они являлись всецело — значение их несравненно большее. Мы, разумеется, не сторонники тех

взглядов, согласно которым — следует раболепствовать и пресмыкаться пред великими именами: это дело христианства и сродного ему в этом большевизма. Но все же, несмотря на это, следует согласиться, что выразить и определить в полном объеме то значение, какое оказали анархизму Бакунин и Реклю — более чем трудно. Для этого не хватает слов, недостает красок... Одно лишь можно сказать: значение это очень велико.

Оба они — и Бакунин и Реклю — всю свою жизнь посвятили на служение анархизму, оба они неустанно трудились на ниве анархизма, отдавая все, что только можно отдать. Упорно разбивали они стоящие впереди преграды; упорно отыскивали необходимые основы... и клали камень за камнем. И в результате их неустанных трудов, анархизм не только принял вид изящного здания, — но здания, покоящегося на прочном фундаменте. Никакие бури, никакие натиски теперь не страшны анархизму: он застрахован от всего этого, и застрахован в значительной степени трудами Бакунина и Реклю.

Хотя Бакунин и Реклю трудились на ниве анархизма не всегда вместе и не всегда рядом, однако судьба позаботилась так устроить, чтобы память о них была неразлучной. Оба они умерли в июле месяце, и поэтому говоря об одном, нельзя обходить молчанием другого, — останавливаясь у могилы одного, нельзя в то же время не остановиться и у могилы другого.

Это маленькое и, конечно, чисто случайное совпадение не лишено между прочим известного значения. Бакунин и Реклю, как было отмечено выше, не всегда трудились рядом, хотя конечная цель у обоих была одна и та же. Бакунина больше всего интересовали проблемы философии и, главным образом, проблемы логики. Изучению последней, а вместе с тем и изучению философии вообще, Бакунин посвятил не мало времени, и этим путем ("через" Гегеля) шел к анархизму. Сущность анархизма для Бакунина прежде всего вытекала из законов мышления, из законов духа. "Дух разрушения есть в то же время созидющий дух", — вот можно сказать основная генеалогическая вежа Бакунина. На

этой базе, — на базе законов мышления, — Бакунин и строил теорию анархизма.

Реклю, наоборот, шел к анархизму иным путем, — путем законов природы. Начало анархизма Реклю видел в стремлении и направлении той великой реки, которая обыкновенно называется эволюцией, понимая это слово в самом широком, можно сказать космополитическом, смысле. Земля, флора, фауна и человек, — вот канва, по которой общий ход событий кладет свои узоры. Для Реклю это было более чем достаточным не только для того, чтобы верить в неизбежность осуществления анархизма, но чтобы доказывать эту неизбежность с самой объективной, если можно так выразиться, точки зрения. И мы знаем, что Реклю в этой области сделал великое дело.

Таким образом, ставя рядом имена Бакунина и Реклю и как бы сочетая их воедино, тем самым образуется полная и в высшей степени целостная картина анархизма. Никаких щелей, никаких неясностей... Всякая деталь, всякий вопрос — отмечены, выявлены. То, что в одном месте отмечено общими штрихами, в другом — разработано детально; что в одном отношении оттенено не в достаточной степени, в другой — выявлено ярко и отчетливо.

Вот почему нам кажется, что случайное совпадение — смерть обоих в июле месяце — имеет известное значение. Философские обобщения Бакунина и исследования Реклю в области прироведения, при их совокупности, придают анархизму вид в высшей степени прочный и грациозный. А совокупность эта неизбежна при первом же одновременном взгляде на эти две модели.

* * *

Есть люди — даже очень великие — о которых можно писать целые томы и в то же время ни словом не коснуться окружающих условий. Но есть и такие люди, о которых нельзя сказать и слова, чтобы не коснуться окружающего.

К числу последних принадлежит М. Бакунин.

О Бакунине нельзя говорить отдельно, обособленно, вне известных жизненных условий. Ни на миг Бакунин не отрывается от окружающего. Он весь в окружающем и окружающее все в нем. "Я во всем и все во мне", — можно ха-

рактеризовать Бакунина словами Ф. Тютчева.

Уже одно то обстоятельство, что Бакунин прежде всего и больше всего — деятель, достаточно свидетельствует, что он весь слит, весь спаян с окружающим. Деятеля ведь нельзя представить в тесном изолированном кругу или в узких стенах кабинета. Деятелю необходима ширь, необходима степь, где можно было бы удалеки размахнуться. И жизнь Бакунина вполне это подтверждает.

Почти весь тот период жизни, который имело и дает известность Бакунину, прошел "в степи", в широких размахах. Мелочность, хныканье и мещанская элегантность, столь часто разедающие лучшие умы общества, были чужды Бакунину. Бакунин смело шагнул поверх всего этого; он топтал и даже не замечал мелочей и филистерства. Не до этого было: у Бакунина всегда в очереди разрешения стояли задачи широчайшей важности. И как то всегда так выходило, что Бакунину не приходилось начинать с мелочей, с пустяков, и постепенно добираться до главного, до первоважного: у него сразу задача вставала во весь свой рост — ясно и определено. И не успевал ее Бакунин разрешить, как в очереди ожидала другая — такая же важная и очередная — задача.

Способствовало этому без сомнения то обстоятельство, что Бакунин обладал паразитической способностью схватывать все сразу, в полном объеме. Стоило только появиться "первой" мысли, как за нею неизменно следовала и "последняя", т. е. вопрос представлялся от начала до конца. Само собой понятно, что о мелочах тут не могло быть и речи — они для Бакунина не существовали. Даже в частных письмах Бакунина гораздо больше общих вопросов, чем вопросов относительных, личных. Даже когда Бакунин еще не был анархистом, — но уже приближался к этому, — даже тогда в своих письмах к родным он больше говорит о проблемах мироздания, чем о своих личных "карманных" делах. В то же время, когда Бакунин стал анархистом, все его письма — можно сказать от начала до конца — пересыпаны учением анархизма.

Да, Бакунин всегда стоял во весь рост —

исполинном, в полном смысле этого слова. Открыто, непринужденно и уверенно он действовал... И поэтому его действия всегда широки, размашисты и глубоки. Последнее — особая характеристность Бакунина. Мы знаем не мало деятелей-революционеров, которые так же как и Бакунин были активны. Но их активность простиралась только вширь — иногда даже очень широко. Они рвали только поверхность социального океана, совершенно не затрагивая его глубин. Бакунин наоборот — прежде всего захватывал глубины, низы, — и приводя эти социальные недра в действие тем самым с особой силой потрясал социальное здание. Деревя ведь нельзя раскачать особенно сильно, дергая его за верхушку; но если раскачивать его у основания... Эту сущность Бакунина можно сказать учел полностью. Он не питал никакого интереса к тем, верхним, всегда покрытым плесенью, социальным слоям. Возиться с этой плесенью он считал совершенно пустым делом, и предоставлял это делать тем, кто в этом видел какой то интерес; сам же начинал дело с противоположной стороны, — с той стороны, на которой фактически вся эта плесень держится.

Понятно почему Бакунин в отличие от других революционеров является грозой для верхних слоев социального здания. Революционеры, подвигающиеся на поверхности социальных вод, если и являются угрозой чьего-нибудь благополучия, то угроза эта большей частью вытекает из их личностей, как таковых. Угроза же, которую высшим слоям общества Бакунин бросил, вытекала не только из его личности, но и из его метода. Можно даже сказать, что метод Бакунина был самым ядром угрозы. Лично Бакунин как будто совсем мало вредил верхним слоям общества. Он не шел, например, в разные говорильни, именуемые парламентами, чтобы там словоборствовать с своими противниками. В этом отношении он оставлял своих противников как будто совершенно в покое. Но тот метод, который Бакунин применял, был гораздо страшнее его личного присутствия в говорильнях.

Конечно, размах действий Бакунина обуславливался не только их глубиной, но и их шириной. Бакунин не ограничивался даже сравните-

льно широким кругом расстояния. Он старался охватить как можно шире, как можно объемнее. За редкими исключениями, он не оставался долго на одном месте. Почти всегда он страствовал с места на место, из страны в страну. Отчасти он вынужден был так поступать в силу преследований со стороны чуть ли не всех правительств, но отчасти это же входило в его прямые задачи.

Оседая в какой нибудь местности, человек тем самым приковывает себя к известной точке и его значение, по мере отдаления от этой точки, умалется. Для того, кто не занимается социальными вопросами, это быть может не имеет особого значения, но тому, кто занимается преимущественно социальными вопросами, а тем паче для деятеля-революционера, значение всего этого огромно. Деятель-революционер. достигает наибольших результатов в тех случаях, где он сам находится, где он лично принимает участие. Личный пример есть самое лучшее вдохновение, самая верная помощь. И Бакунину в силу этого везде приходилось быть лично. Где только назревало недовольство, где только собирались необходимые элементы для вспышки, — Бакунин считал своим долгом быть там. Во-первых, это было необходимо для того, чтобы не дать возможности недовольству остановиться на какой-нибудь точке и заглохнуть, — чтобы стимулировать его и расширить; а во-вторых, чтобы предотвратить его от ложных путей. И таким образом Бакунину приходилось беспрерывно переходить с места на место, ибо недовольства, как известно, вспыхивают везде.

Есть, правда, в революционной деятельности тоже известные стороны, известные подразделения, и мы знаем не мало революционеров, служивших только какой нибудь одной стороне. Некоторые, например, являлись революционерами в национальном смысле, другие — в религиозном и т. д. Но для Бакунина этих подразделений не существовало. Никаких классификаций в революционной деятельности он не признавал: недовольство, как таковое, было для него всем. Бунтовали ли поляки против русского самодержавия, возмущались ли французские рабочие поведением капиталистов, роптали ли итальянские

крестьяне на своих рантье, стремился ли какой нибудь город отделиться от центральной власти, — Бакунин везде принимал участие. И поэтому — сегодня Барселона, завтра Дрезден, а там Стокгольм или Милан.

Государственных границ и отмежеваний также не было для Бакунина. Всякое государство было его государством, если он там был необходим, т. е. если в данном государстве была почва для недовольства. Италия, Франция, Австрия или Россия — одинаково могли быть местом самой активной деятельности Бакунина. Бакунин был антигосударственником не только теоретически, т. е. по своему мирозерцанию, но и в своем практическом положении. Ему не делало разницы где он работает — в Испании или в России — если он работает на пользу революции. Бакунин — вне государства, над государством. Бакунин — это вся Европа, весь мир. Почти ни одно государство в Европе не избавилось, чтобы Бакунин, так или иначе, не выпел из него своего имени. И с этой точки зрения говорить о Бакунине — значит, говорить об известном периоде в истории чуть ли не всех европейских государств. Нельзя составить даже самой общей, самой сжатой биографии Бакунина, чтобы не коснуться Франции, Швейцарии, Испании, Италии, Германии, Австрии, не говоря уже о России. Бакунин рассыпан по всему миру и для того, чтобы собрать эту ярко-блестящую россыпь необходимо обойти чуть ли не все государства, необходимо заглянуть в историю чуть ли не всех народов. Бакунин — это целая эпоха, и эпоха надо сказать исключительная. Расцвет Первого Интернационала, революционный 1848 год, Парижская Коммуна, — все это явления чрезвычайно важные и со всеми этими явлениями так или иначе связан Бакунин.

В русской истории Бакунин тоже занимает почетное место: он непосредственно соприкасается с такими именами, как: Герцен, Белинский, Станкевич и др.

Словом, Бакунин жил во время великих возможностей и в эпоху светлых чаяний, что как раз соответствовало его духу и темпераменту. Бакунину именно необходима была атмосфера, пресыщенная возможностями и пропитанная по-

рывами. В окружающей инертности и при отсутствии или невозможности проявления стремлений Бакунин, должно быть, чувствовал себя в высшей мере наказанным. Трудно даже представить как он должен был страдать в тюрьме... Тюрьма удручает и сокрушает даже тех людей, которые больше всего уделяют внимание мысли и абстрактным обобщениям. Но мыслитель даже в тюрьме имеет некоторую возможность мыслить, а иногда даже работать. Человек же, у которого, по выражению М. Лермонтова, кровь кипит и сил избыток, в тюрьме чувствует себя связанным в буквальном смысле этого слова. Бакунин же как раз и был таким человеком. Удивительно ли, что Бакунин, находясь в тюрьме, одно время помышлял даже о самоубийстве. Перспектива пожизненного заключения и отсутствие возможности деятельности должны были сломить даже его железную волю.

Судьбе однако угодно было, чтобы Бакунин, после двенадцатилетнего тюремного заточения, опять очутился на свободе и провел остаток своих дней в самом бурном водовороте жизни. Почти до самой смерти он продолжал оставаться на посту, строго следя за своим противником, — то атакуя его, то отбиваясь от атак.

Так — в бурном кипении жил великий бунтарь, у могилы которого мы теперь стоим.

* * *

«С природой одною он жизнью дышал:

Ручья разумел лепетанье,

И говор древесных листов понимал,

И чувствовал трав прозябанье;

Была ему звездная книга ясна,

И с ним говорила морская волна...»

Такими словами русский поэт Е. А. Баратынский характеризовал великого Гете. Эти же слова вполне применимы к Э. Реклю, как справедливо замечает Н. Лебедев в своем небольшом очерке Реклю. Родившийся и выросший на лоне природы, Элизе Реклю не только горячо любил чарующие виды холмов и лесов, но слился, сроднился с ними. Чувство, что все мы являемся лишь маленькими крупицами нашей общей матери-природы, у Реклю носило характер не холодного, рационального чувства, а скорее было имманентным, душевным. Реклю понимал при-

роду не в представлении, а в подлиннике. Природа казалась ему не объектом, не предметом, а им же самым помноженным миллиарды раз. Он не мог только смотреть и любоваться природой, как это делают "любители природы", — он чувствовал, думал вместе с ней. Поэтому то природа и давала ему столь богатый материал для построения чудных обобщений; поэтому то он и находил в природе ясные ответы на все животрепещущие вопросы; поэтому то он и чувствовал себя среди природы так, как чувствует себя профессор в своей лаборатории. Там, где другие, кроме скуки и дремоты, ничего не испытывали бы, там для Реклю открывалась бесконечная цепь явлений, простиралось обширное поле для деятельности мысли. Одного взгляда на живописный холмик или на крутой берег было достаточно, чтобы уяснить ожидающее нас будущее; в одной капле воды Реклю находил достаточно подтверждений в пользу свободного anarchического общества.

Казалось бы, что общего между anarchическим строем и каплей воды; казалось бы не шутка ли, не забава ли это. Однако для Реклю здесь все было естественным и вполне понятным. Anarchизм для Реклю вытекал не из данного состояния общества, как это некоторые думают, в том числе и некоторые anarchисты, а из самой природы. Нынешнее состояние общества это самая обыкновенная случайность на пути развития человечества, а не что то неизбежное, фатальное, как это утверждают сторонники детерминизма. Оно (нынешнее состояние) могло быть и не быть и осуществление anarchизма от этого ничуть не зависит. Корни anarchизма не в сущем, а в должном; не в том, что есть, а в том, чего нет; не в наличии несправедливости, а в отсутствии справедливости.

В этом отношении Реклю напоминает другого великого теоретика anarchизма — П. Кропоткина, но Реклю, кажется, идет дальше Кропоткина. Хотя Кропоткин тоже работал в области географии и геологии, однако anarchизм он строил главным образом на данных биологии. Реклю же необходимые данные для построения anarchизма видел в самой вселенной, т. е. в законах

мироздания. Законы, на основании которых образуются планеты, — на основании которых появляется жизнь, — на основании которых в жизнь входит элемент сознания... были теми законами на основании которых Реклю строил теорию anarchизма.

Быть может вследствие этого Реклю не уделял слишком большого внимания отдельным явлениям; быть может вследствие этого он не был таким страстным революционером, каким был, например, Бакунин. Опираясь на законы природы, учитывая ход их развития, революция для Реклю должна была представляться лишь отдельным явлением, временным эпизодом. Главная же суть должна была казаться не в революции, как таковой, а в том, что делает революцию неизбежной. Однако, несмотря на это, Реклю, как известно, не отрицал революции. Он смотрел на нее не как на что то первоважное, но в то же время не считал ее злом или чем то лишним. В этом отношении Реклю занимает как бы середину между Бакуниным и Толстым. Революция для него является не обязательным, не главным фактором, но если она в силу хода вещей становится неизбежной, а тем паче если она превращается в факт, то отрицать ее Реклю не считал нужным. Он даже сам принимал участие в Парижской Коммуне и с ружьем в руках был взят в плен версальцами, хотя, как было установлено следствием, он ни разу не выстрелил из своего ружья.

В общем Э. Реклю полагал, что сущность революции, центр революционной тяжести, из области острых правовых столкновений должен будет перейти в область легкого и сознательного улаживания споров... "Сознание, представляющее собою истинную силу, растет, ассоциации стремятся охватить всех, рабочих, составляющих большинство, все более проникаются сознанием своего значения, и революции будут совершаться все легче и более мирным путем. В конце концов всякая оппозиция должна будет уступить и уступить даже без борьбы. Наступит день, когда эволюция и революция непосредственно следуя одна за другой, от желания к факту, от идеи к ее осуществлению, сольются в единое и це-

льное явление“ *).

Здесь Реклю напоминает русского революционного деятеля, П. Лаврова, для которого сознание то же являлось решающим фактором. Но Реклю от Лаврова отличается тем, что отрицает безусловно государство и всякую, хотя бы и временную, власть. Сглаживание остроты борьбы Реклю видит не в компромиссах поставленных целей, а в слишком ясной их очевидности. Когда цель вполне определена, когда она прочно обоснована, когда она, наконец, логична и справедлива, то борьба против нее, и борьба не соответствующими средствами, вестись долго не может. А ведь цель преследуемая анархизмом именно такова. Свобода... свобода мыслить, говорить и действовать, как говорит Реклю. А ведь свобода, так или иначе, всем желательна. Все и всегда желают и стремятся к свободе... Если же сюда присовокупить справедливость, которая с течением времени тоже все более и более утверждается, то это и будет идеал анархизма. Эти две предпосылки: одна можно сказать инстинктивная — стремление к свободе — а другая осознанная — сознание справедливости, — развиваясь и прогрессируя, — а что они прогрессируют — никто не станет отрицать, — и сглаживают острые приемы борьбы. Исходя из этого, Реклю и утверждал, что наступит тот день, когда оппозиция должна будет уступить без борьбы. День этот, конечно, еще не наступил, борьба все еще продолжается, и продолжается довольно скверными приемами, но ведь и нельзя ожидать этого дня в течение нескольких десятков лет. Для этого требуется быть может долгое время, что однако никого не должно смущать... отрадно уже то, что такой день когда нибудь наступит.

К сожалению, мы в настоящее время располагаем очень скудными сведениями о деятельности Реклю вообще, и об идейной деятельности в особенности, вследствие чего довольно трудно отметить все его заслуги пред анархизмом. Но таковые несомненно велики. Хотя Реклю не оставил больших, чисто анархических трудов, как это сделал, например, Кропоткин, но он

оставил другое не менее ценное наследие. Наследство это — его личная жизнь.

Однажды, кажется Эрзам Роттердамский сказал, что ему очень трудно удержаться, думая о Сократе, чтобы не воскликнуть: "святой Сократ, моли бога о нас!" Эта фраза невольно напрашивается, думая об Элизе Реклю. Невольно хочется сказать: "святой Реклю, моли бога о нас"... До того чистой и невинной кажется жизнь этого великого гуманиста.

Проповедуя возвышенный идеал, сая великие идеи, Реклю прежде всего старался, чтобы самому быть на высоте положения, чтобы никто не мог упрекнуть известным евангельским изречением: "сучец в глазу другого видишь, а бревна в своем не замечаешь". И Реклю, насколько мог, выполнил эту задачу полностью. Несмотря на всемирно-известную славу, доставленную ему его обширными научными трудами, несмотря на возможность занять высокое и почетное место и обеспечить себя довольством и роскошью, — Реклю продолжал вести сравнительно скромную жизнь, отказывая себе иногда даже в самом необходимом. Высоту же его нравственных качеств можно определить хотя бы по тому, что он был женат на женщине, родившейся от белого отца и темнокожей матери. Реклю не только проповедывал равенство народов, но лично выполнял этот принцип. На всякого человека он смотрел как на равного, как на брата. Путешествуя среди диких племен Южной Америки, он никогда их не обманывал, не обижал, относился к ним, как к равным, и поэтому не чувствовал никакой опасности с их стороны *). Однажды когда он, во время путешествия, заболел, то женщины туземцев ухаживали за ним с таким усердием, как за членом своего племени. Этот пример уже достаточно свидетельствует насколько велика была сила нравственного обаяния Реклю. Всякий человек (если он действительно человек), знавший Реклю, не только пренепо-

*) Как это возвышенно и благородно в сравнении с некоторыми нынешними учеными, едущими исследовать "диких" не только с пулеметами, но и... с ядовитыми газами — (об этом приходилось читать в газетах несколько месяцев тому назад).

нялся к нему уважением, но сам старался подражать ему в жизни. Одним только несправедливым сторонникам мракобесия было это не в моду; только они гнали и преследовали Реклю, не давая ему возможности спокойно жить на своей родине.

* * *

В следующем году исполнится 20 лет со дня смерти Реклю, и мы полагаем, что анархисты всего мира почтут память великого гуманиста и славного анархиста с должным внима-

нием... А через год (в 1926 г.) исполнится 50 лет со дня смерти Бакунина, что несомненно тоже будет отпраздновано самым достойным образом анархистами всех стран...

Теперь же мы коснулись всего этого лишь слегка, стороной... Мы совершенно не коснулись биографии ни Бакунина, ни Реклю, даже не указывали где и когда они родились... именно оставляя все это на следующие годы.

Июль, 1924 г.

«000000»

НАШИ ЗАДАЧИ.

ПОТРЕБЛЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.
(Общая характеристика).

Руцелс.

Если мы когда-нибудь раньше касались этого вопроса, то только мимоходом, неопределенно, отодвигая его на задний план, и придавая ему в данный момент второстепенное значение. Мы не считали необходимым подробнее его обсуждать, говорить о нем и разбирать в нашей литературе, ссылаясь на то, что он, по своему характеру, является просто вопросом дня революции и что решит его революционное меньшинство с помощью революционной массы в день революции.

Мы удовлетворялись одним только заключением, что все средства производства, фабрики, заводы, шахты, рудники, земля, равно и все накопленные богатства, магазины и склады разного рода товаров, дома и прочие сооружения должны перейти в руки всех потребителей, руководящихся в созидании новой жизни, новых соотношений производительных сил и установлении потребления принципом коммунизма и безвластия.

Все это очень прекрасно и безусловно так должно быть. Однако, одного теоретического построения далеко недостаточно: ему должен соответствовать в общих чертах, **определенный, ясный, так сказать, построенный в принципе, план практического разрешения** этой задачи. Что такой план должен быть разработан заблаговре-

менно и по мере возможности внедрен в умы рабочей массы (путем пропаганды) — доказывается самой логикой действительности и опытом недавно разывшейся русской революции. Отчасти это доказала и Парижская Коммуна, хотя и не с такою ясностью, как русская революция.

В русскую революцию зачислительная часть анархистов имела совсем туманное и неопределенное представление о немедленных задачах восставших, благодаря чему большевикам легко удалось установить свою диктатуру. Большевики, прикрываясь замаскированными у анархистов лозунгами, на практике действовали по имевшемуся у них давно готовому плану, состоявшему главным образом в захвате власти и установлении диктатуры. План захвата власти и диктатуры у них во всех деталях был ясен как день. Они прекрасно знали, что делать немедленно, ни над чем не задумываясь. Главная задача их состояла в том, чтобы навязать свою централистическую организационную форму всему русскому народу и, вместо паризма или Учредительного Собрания, провозгласить высшей властью свой Центральный Комитет, с прибавкой слов: "Совет Народных Комиссаров". Об одном лишь им надо было больше позаботиться, это — организовать собственную исполнительную силу: Чеку, красную армию, полицию и суд. Но над практи-

ческим разрешением этого вопроса им нечего было ломать голову, так как все это они, как государственники, приняли как дорогое наследие, от своих предшественников — буржуазных государственников.

Как стопроцентные марксисты, большевики, имели и в остальном (в экономическом вопросе) готовую мерку, рецепт, по которым они теперь направляют свою политику и экономику. Одним словом, большевики восторжествовали, укрепили свои позиции и превратились в деспотов, палачей и эксплуататоров народа отчасти на счет практической неопределенности и отсутствия ясного, целесообразного плана действий у анархистов в тот момент, когда власть Керенского была сметена, никакой другой власти еще не было и анархисты пользовались не меньшим влиянием на массы, чем большевики. В этот момент многие анархисты ни в чем плохом не подозревали большевиков (это тоже была своего рода неопределенность), братались с ними, между тем как большевистские верхи с успехом готовили петлю для революции и всех нежелающих им подчиниться.

Предположим, для иллюстрации, что какой-нибудь мастерской, скажем, плотник желает построить дом. Прежде всего он должен иметь, по крайней мере, в своем уме, хотя бы приблизительный план, и только тогда он с гораздо меньшим затруднением и затратой энергии выполнит свое задуманное дело. Но при сооружении большой сложной постройки это уже явится неотложной необходимостью: без всякого плана он просто спутается и не сумеет ничего сделать. Разумеется, мы совсем не думаем в буквальном смысле приравнивать этот пример к общественному строительству во время социальной революции, мы не хотим творческие силы революционного народа втиснуть в какие бы то ни было рамки, как это делают все политические партии; мы только хотим, чтобы наш план был выработан в основных положениях — что и как делать, как осуществлять наши идеалы, притом, чтобы он, как таковой, служил бы только точкою опоры для наших творческих сил безвластия, просто указателем практического немедленного приложения наших сил в первый же день

революции.

Необходимость в нашем сознании иметь такую ясную точку опоры, такой план очень характерно подтвердила и Парижская Коммуна. Поэтому не будет лишним здесь указать и на ее революционные недостатки. Парижские революционные коммунары, например, благодаря отсутствию в своем сознании определенного представления, что делать, как распределять и пользоваться огромными богатствами всего Парижа, как устроиться и проводить сейчас же, немедленно на практике ими провозглашенную коммуну, легко поддались влиянию политиканов, заседавших в Центральном Совете Коммуны в виде сформировавшейся власти, которая была как и всякая власть, занята выработкой разных ненужных и вредных революционному делу декретов и защитой частной собственности и других богатств, оставленных убежавшей из города буржуазией. Коммунары же и революционная масса, с легким сердцем и верою в скорое разрешение верхами всех вопросов дня, престопокойным образом голодали, несмотря на то, что в их руках находились магазины и склады, переполненные разного рода товарами и продуктами.

Одним словом, они, доверив свою судьбу политиканам и ожидая на их приказы и распоряжения, не воспользовались всеми теми возможностями, которые открылись для них в первые дни революции; главное же, из-за каких то моральных соображений, навязанных вождями, они колебались и не решались посягнуть на частную собственность, допустив при этом также и ряд других важных ошибок. Между тем время не ждало. И только тогда, когда Париж был окружен со всех сторон железным кольцом правительственных войск буржуазии, проголодавшиеся коммунары были вызваны к активному действию, т. е. в такой момент, когда положение Коммуны было почти безнадежно. Коммуна, конечно, погибла от штыков и пуль кровавого палача Тьера. Это великое историческое событие, несмотря на свою замкнутость, количественную и территориальную незначительность, многому нас научило, но не всему, и пролило свет на все задачи революционной борьбы в освободительном движении от капитала и власти.

* * *

Принято говорить, что сама жизнь наилучший учитель. Оно так и бывает в действительности. Только, к сожалению, известными, более поучительными в жизни событиями, стараются воспользоваться политики с хитрым обходом и извращением фактов, лишь бы только взять в свои руки или удержать трудовую массу под своим влиянием, направить ее революционные стремления, порывы, мысли и сознание в желательную для них, политических вождей, сторону, и таким путем проводить свои властнические цели. Почему же трудовые массы попадают на удочку политиканов и поддаются их обманам теориям? Потому что они всегда стараются опереться на несознательную или полусознательную массу, которую легче всегда увлечь за собой ловким политическим лганьем.

Кроме того, политики продолжают отчасти еще ныне действовать притягательно, магнетизирующе на массу, просто потому, что психика современного человека вообще, еще окончательно не очищена от заразы вековых рабских предрассудков; эти предрассудки в душе человека были глубоко вложены рабским, авторитарным и государственным воспитанием. Но как бы то ни было, теперь эти предрассудки и суеверия в рабочем мире глубоко потрясены в самой основе переживаниями в европейской войне и в связи с ней происшедшими революциями и политическими событиями.

Освободительное движение рабочих имеет теперь наивысший, по ясности, опыт в лице российской революции и политических событий в Германии и Англии. Судьба российской революции, главным образом, должна окончательно открыть глаза трудящимся, должна помочь им вырваться из-под опеки политических партий и уничтожить последние остатки предрассудков; тогда политические партии больше не смогут распоряжаться ими, как материалом, в интересах власти и должны будут оставить их в покое, а сами партии в будущей революции совершенно исчезнуть с исторической арены.

Одним словом, русская революция должна, если это еще не сделала, открыть глаза самым ослепленным верою в политику и власть, так

как всем должно быть известно, что теперь творится в России большевицкой диктатурой. Большевицкая диктатура, несмотря на борьбу против своих конкурентов, — контр-революционеров Каледина, Деникина, Юденича, Колчака и Врангеля, сама сыграла наихудшую контр-революционную роль, только под замаскированным видом спасителей русского народа и русской земли. Будущий историк, конечно, отметит это, а также не обойдет молчанием уничтожения большевиками около двух миллионов русского народа, самых лучших борцов за свободу и социальную революцию и всех зверств пролития крови и многих других возмутительных деяний.

Не с меньшим энтузиазмом и меньшевики в Германии и Англии занимают теперь передовые места сторожей капитализма. Они хотя пока еще и не стоят на одной линии с большевиками в творении зверств и абсолютном лишении народа всех свобод и самоопределения, но свою физиономию вполне показали. Маска сорвана и с них. Вообще, о полном банкротстве их государственных идей нет больше никакого сомнения. Поэтому мы вполне уверены, что в будущую революцию ни большевики, ни их братья — меньшевики не сумеют больше ухитриться сесть на шею революционного народа, не смогут его обмануть и свести его желания осуществить полную свободу и справедливость на ничто, ни заковать его опять в марксистские цепи, как это удалось им в русскую революцию и отчасти в германским и английским народами.

Нам поэтому в будущую революцию нечего будет опасаться этих обанкротившихся идей, нечего будет бояться их конкуренции. Заблаговременно можно сказать им: "мир праху твоему". Но зато готовится другая порода политиканов, законно- или незаконно-рожденных близнецов марксизма и большевизма, приспособляющаяся и скрывающаяся под другой маской, так называемой "диктатуры труда". Чтобы не попасть под их заманчивую опеку, рабочие должны знать заблаговременно, что делать и как действовать во время революции с экспропрированными средствами производства и накопленными товарами и продуктами, равно и знать, как действовать в строительстве коммунизма и безвлас-

тия в первый же день революции. Чтобы она не застала нас, рабочих, врасплох и не повторилось бы то же самое, что с русской революцией и Парижской Коммуной нам необходимо заблаговременно говорить о постановке производства и потребления в первый день социальной революции.

* * *

Захват всех средств производства. Так как будущая революция несомненно начнется захватом всех фабрик и земель рабочими и крестьянами (мелким крестьянством и земельным пролетариатом), то, наряду с этим актом, придется иметь в виду, что буржуазия, в лице своих добровольных дружин и легионов (таковые ею организуются повсюду и ныне для всякого возможного случая столкновения с рабочими, для самозащиты и расправы с непокорными рабочими), с помощью регулярных правительственных войск и полиции, попытается сломить начавшееся возмущение и "проучить" возмущавших за такую смелость.

Следовательно, рабочие (по крайней мере революционное меньшинство) должны будут прилагать все усилия захватить оружие, немедленно вооружиться и организовать более обширные добровольческие боевые силы для нанесения последнего победоносного удара сопротивляющейся или наступающей силе буржуазии и власти, и полного уничтожения государственной машины. Именно государство, в какой бы форме оно ни было, со всеми своими законодательными и исполнительными институтами, армией, полицией, судами, тюрьмами и эфандотами — является злейшим врагом рабочего в его освободительной борьбе от экономических и политических целей. С этим-то врагом возмущавшему народу и придется более всего считаться.

Неизбежна также схватка с армией, на штыках которой держится государственный строй. Но так как армия состоит из низших слоев общества, из наших же братьев рабочих и крестьян, — мы вполне можем рассчитывать на то, что она во время начавшихся великих революционных событий, под влиянием общего духа возмущения, разстроится, деморализируется и станет совсем негодной для проведения правительством и бу-

ржуазией своих намерений спасти себя и подавить революцию.

Ввиду этого мы заблаговременно должны распространять в армии идеи социальной революции и, где только возможно, организовать в ее частях нелегальные группы из идейно настроенных солдат. Это было бы одним из наилучших залогов безопасности рабочих во время всеобщего захвата ими фабрик, земель и т. д., и предупредило бы серьезные и опасные схватки с армией. В Италии, например, несколько лет тому назад, во время захвата рабочими фабрик, многие части правительственных войск были симпатично (сочувственно) настроены по отношению к возмущавшим рабочим. Даже русская революция 1905 года может указать довольно много таких примеров: забастовки разных частей войска, отказы идти усмирять, вплоть до открытых возмущений (Черноморский и Кронштадтский флоты).

Одним словом, армия под влиянием возмущавшего народа вообще теряет лояльность и устойчивость: навязанная дисциплина ломается, начинаются протесты, отказы стрелять в рабочих, вплоть до присоединений целыми частями к возмущавшему народу. Это ведь чисто психологическое, притом стихийное явление, так что вполне можем сказать, чем возмущение угнетенного народа обширнее и глубже, тем революционный дух сильнее, тем больше действует захватывающим, притягательным образом на беспартийную массу и на армию; притом, если в войсковых частях будут находиться идейно революционные группы, тем с большей степенью революционный дух овладеет всеми солдатами. При таких условиях существующая власть, вместе с буржуазией, будут похоронены.

Захват всех накопленных богатств и потребление. Параллельно захвату средств производства должен быть произведен захват магазинов и складов, нагруженных всевозможными товарами, одеждою, обувью, съестными продуктами и разным необделанным, необработанным сырьем для фабричной индустрии.

Мы прекрасно знаем из примеров, что всегда во время возмущений и революций, проголода-

вшиеся и голые массы, под общим настроением революционного духа, стихийно рвутся в магазины и склады и берут все, что им надо (конечно, происходят и злоупотребления на этой почве, пока еще в силе денежная система). Поэтому идейно революционная часть возмущенного народа, анархически настроенные рабочие союзы и экономические организации, должны своим решительным действием, сознательным актом экспроприации в пользу всех, повлиять на стихийно рвущихся экспроприаторов, но ни коим образом не осуждать их акт. Во-первых, при сознательном общем захвате всех благ, должны немедленно установить потребление на предметы первой необходимости, на одежду, обувь и съестные продукты и прежде всего удовлетворить более нуждающихся, голодных и голых, чтобы подрывать их со всеми другими и поставить всех на один уровень обеспеченности, провозгласив в потреблении принцип равенства: "каждому по его потребности".

Конечно, если провозглашенные на местах коммуны некоторыми предметами не располагают в достаточном количестве и в то же время не имеется прочно установленных связей между коммунами одного города и коммунами других и деревней, а производство в более обширном и общем масштабе, равно доставка сырья (необработанного материала) и обмен пока не налажены, тогда недостаточное количество предметов распределять надо так, чтобы на всех получалась одинаковая доля.

Несомненно такое действие революционной массы поднимет революционный дух повсюду, внушит всей беспартийной, нейтральной части населения доверие и симпатии к нашим идеям безвластия и коммунизму. При таком нашем политическом действии сразу будут подсечены в самом корне все злоупотребления и зло, вызываемые частной собственностью на средства производства и потребления; не будет купли-продажи, наемного труда и подразделения населения на высшие и низшие категории — не будет спекулянтов, воровства, протестов и саботажа.

В точно таком же направлении сейчас же надо приняться за урегулирование пользования и остальными благами: домами, освещением, то-

пливом, транспортом, театрами, концертами, образованием и прочими материальными и духовно-культурными ценностями. Здесь, разумеется, распределение некоторых благ на первых порах, окажется весьма затруднительным, как например, квартирный вопрос, быть может на некоторое время и вопрос о топливе.

Однако и в этом мы должны будем руководиться, по мере возможности, принципом одинакового пользования, позаботиться общими силами о сооружении хороших домов, как только для этой цели будем располагать материалом, позаботиться о немедленной доставке топлива из соседних лесов и угольных копей. Действуя во всем в таком направлении, мы несомненно сможем привлечь к делу созидания все творческие силы населения на местах; это и послужит наилучшим залогом, наивысшей гарантией успеха в преодолении всех затруднений.

Немедленное установление товарищеской добровольной связи между городом и деревней. Одной из самых неотложных и немедленных задач в начале революции будет установление и закрепление непосредственных связей с деревнями расположенными в окрестностях данного города. В силу полной автономии, свободы действий и самоопределения на местах, эти связи должны носить товарищеский и добровольный характер, потому что ничто не должно быть навязываемо деревне силой, посредством декретов, законов и карательных экспедиций, как это делали большевики в русскую революцию.

Мы не должны смотреть на деревню и крестьянина, как на нашего врага, по своей природе будто бы консервативного, каким его изображают большевики и все остальные марксисты. Нет, крестьяне всегда во время возмущений доказывали, что они несравненно лучше понимают истинную сущность свободы, справедливости и революционного действия, чем марксисты; так что у нас нет ни малейшего сомнения, что они с первого же дня начавшейся революции войдут в добровольные союзы с городами, посредством которых они будут поддерживать города, а города с своей стороны будут поддерживать их.

Но так как города представляют духовно-ку-

льтурные центры и в них находится наибольшее число фабрично-заводского пролетариата с его экономическими организациями, яляющимися, так сказать, центрами революционного меньшинства — то вполне понятно, что революционная инициатива и многие предложения и проекты будут выдвинуты городом, хотя возможно, что в некоторых случаях деревня может и опередить город. Поэтому провозглашенной городской коммуне немедленно придется явиться к деревенским союзам, общинам или коммуна с предложением взаимной поддержки, так как город нуждается в сельскохозяйственных продуктах, а крестьяне в городских фабрично-промышленных изделиях.

Город, однако, должен первый доказать примером свою солидарность к менее развитому населению деревни немедленной посылкой в деревню для общего пользования всех имеющихся в захваченных магазинах и складах сельскохозяйственных орудий и машин, части одежды, обуви, сушка, ситца, книг, бумаги, письменных принадлежностей и проч. Видя такой акт высшей солидарности, крестьяне будут непременно следовать этому примеру: расширят и усовершенствуют свои хозяйства и снабдят город своими излишками в обмен на фабричные изделия по заключенному договору.

Вообще в этом установлении связи, свободной федерации и взаимной поддержке города и деревни сильно поможет анархически настроенное меньшинство из самих крестьян, живущих в деревне.. Что касается купли-продажи, значит и денег, то это зло, при вышеупомянутом нашем практическом разрешении вопросов производства, потребления и взаимной поддержки, само собою теряет значение, становится невозможным. Деньги будут объявлены неимеющими никакого значения, и при коммунистически урегулированном положении внутри и вне коммуны, никто не сможет воспользоваться ими в свою личную пользу путем спекуляции, так как для этого не будет больше никакой почвы, раз не будет купли-продажи ни в городе, ни в деревне, раз не будет высших и низших категорий и никаких чеканных книжек.

Территориальные связи и урегулирование производства по потребностям и способностям. Возьмем для примера Россию, разобьем ее на части, например: Северный край, Центральный, Уральский, Южный и Кавказ. Если мы рассмотрим каждую из этих частей в отдельности, то заметим различие, какое каждая из них представляет сравнительно с другой. Например, Северный край изобилует, главным образом, громадными лесами и дичью, а земледелие из-за плохой почвы, короткого лета, сильных весенних и осенних морозов, не так успешно, как в других частях России. Кроме того, нет (может быть еще не обнаружены) здесь больших минеральных залежей, ни угольных копей, ни нефтяных источников. Стало быть условия развития общества при таких природных условиях несколько затруднительны. Центральный край занимает лучшее географическое положение. Однако и здесь не имеется достаточно природных благ, чтобы удовлетворить всем своим запросам и потребностям. В лучшем положении находится Уральский край, изобилующий разного рода минералами, железными рудами лучшего качества, медью, серебром, платиной, золотом и проч. Имеет он много леса. Земледелие ведется довольно успешно. Но нет здесь нефти и только сравнительно небольшие залежи угля.

Угольными копами и залежами славится Южный край. Уголь, добываемый в Донском бассейне, может обслуживать всю Европейскую Россию. Земледелие здесь ведется очень успешно, ввиду весьма плодородной черноземной почвы. Недаром этот край прозван — житницей России. Лесов мало. Нет и нефтяных источников.

Добытанием нефти славится Кавказ, который может обслуживать ею всю Россию в достаточном количестве. Леса недостаточно, но земледелие, огородничество, садоводство и шелководство ведется успешно.

Соединяя все упомянутые части вместе, мы получаем громадную страну с всевозможными природными богатствами. Ввиду этого, будущей революции неизбежно придется считаться с неравномерно распределенными природными богатствами в отдельных частях данной страны, охваченной всеобщим возманием угнетенного лю-

да.

Взаимная поддержка, во имя успешного проведения социальной революции и строительства справедливой жизни — коммунизма и безвластия, — среди революционного народа должна играть первостепенную роль, и поэтому должна быть организованной. Мы прекрасно знаем, как сейчас в буржуазных странах производится транспорт разного рода материалов, нефти, сельскохозяйственных продуктов и фабричных изделий из одной части в другую, например: уголь и нефть доставляются в ту часть страны, в которой не имеется этих благ, а отсюда отправляются в район рудниковой и нефтяной промышленности те фабричные изделия или продукты, в которых там нуждаются.

Поэтому революционному народу, именно федерациям революционных организаций рабочих и крестьян, придется только приспособить и урегулировать этот транспорт, как взаимную поддержку, согласно потребностям всех частей страны, городов, местностей и деревень. Для этого все пути сообщения должны быть захвачены в руки революционного народа в самом начале революции, и в захваченных рабочими фабриках, рудниках, нефтяной промышленности и т. д. производство и добывание сырых материалов должно продолжаться на полный ход.

Обще-рабочие и крестьянские съезды немедленно должны будут выработать подробный план производства по способностям и распределение по потребностям всех частей или территорий.

Составление коммун из всего местного населения. Наиболее щекотливым вопросом будет привлечение к производству на местах всей упраздненной толпы разных чиновников, коммерсантов, агентов, лакеев, адвокатов, прокуроров, судей и самой буржуазии, привыкших жить в лени, бездельи, в забавах спортом и оргиями веселий. Разумеется, по отношению к ним никаких униженных нечеловеческих мер не должно быть принято, но им просто придется объявить от имени всей революционной массы союз рабочих и крестьянских коммун, их общих или местных съездов, что кто из упомянутых личностей не пожелает на равных с другими чле-

нами коммуны, по своим способностям, принимать участия в производстве, или духовно-культурной работе, так пусть идет туда, куда хочет, но революционная коммуна отказывается его содержать.

В общем эта упраздненная революцией часть населения, не находя другого исхода, тотчас примет участие в коммуне по своим способностям и скоро привыкнет к ее жизни. Поэтому заранее можем сказать, что число производителей-рабочих значительно увеличится, что даст полную возможность, при нормальном ходе вещей, сократить рабочий день до пяти, четырех или даже трех часов. Понятно, сокращение часов рабочего дня должно производиться одинаково по всей стране, объединенной в свободную федерацию, и должно приниматься и регулироваться решениями общих съездов, одобренными каждой коммуной. Одинаковое число часов рабочего дня по всей объединенной стране не вызовет никакой обиды одной коммуны или части территории к другой.

Воспитание детей, молодежи и всего общества надо поставить на началах свободного воспитания. Воспитание в государственном строе вообще шло рука об руку с авторитарными, религиозными или политическими идеями, авторитарным пониманием природы, вселенной и порядка общественной жизни. В прямом или косвенном смысле оно всегда имело в виду преследование какой нибудь политики и коленопреклонение перед тем или другим авторитетом, перед тем или другим государственным порядком. Следовательно, рабское обожание авторитетов и политики составляет существенную черту современного государственного воспитания. В монархическом государстве, например, официальное воспитание состояло в привитии ребенку верноподданнических чувств к монарху и существующему порядку; в республиканском — слепая вера, подчинение, уважение демократии, президента, начальства, его учреждений, "правосудия"; в большевизме — беспрекословное уважение большевизмской политической партии, комиссариаты, марксизма и его "правосудия".

Значит, у всех государственных воспитан-

ние имеет одну общую задачу, это — внушение ребенку рабского подданничества, обожания законов, правителей и судов, прививание понятия о высших и низших, более заслуживающих почета, уважения и обожания и менее. Очевидно, что такого рода воспитание только портит людей, в самом детстве и юношестве, когда человек наиболее впечатлителен и с большей энергией старается определить все понятия и найти своим мыслям направление.

Но в силу казарменного воспитания заглушается влечение к самостоятельности, убивается дух свободного всестороннего познания окружающих явлений. Одним словом, с человеком в его детстве и молодости поступают государственные воспитатели так же, как мастеровой, скажем кузнец, с куском железа на наковальне, когда он делает подкову, нож или соху.

Что такое воспитание является вредным для человечества и признаком его духовного вырождения, — признают ныне все более выдающиеся мыслители, психологи — воспитатели и ученые. Они и ведут пропаганду свободного воспитания. Однако, власть имущие, в государственном строе, никогда не позволят его. Поэтому теория свободного воспитания может быть осуществима только в будущем свободном обществе без власти.

Идея же свободного воспитания заключается в следующем: ребенок должен иметь полную свободу, как в своей семье, так и школе или детском саду. Родители его или учителя-воспитатели не должны подавлять воли ребенка своим авторитетом и принуждать его к беспрекословному себе послушанию и повиновению. Воспитатель скорее должен быть другом ребенка, а не начальником и старшим, наводящим на него страх и трепет. Всем известно, что дети очень любопытны и способны задавать всевозможные вопросы, сталкиваясь с тем или иным явлением и фактом. В таких случаях, понятно, ответы должны быть обдуманными, чтобы они на детей не производили впечатления, что я, мол, только знаю, а вы, дети, круглые неведжы. Такой же характер должно носить и преподавание научных предметов в школе и вся обстановка детской жизни: учение, упражнения и работа в детских садах. Обо всем этом должны будут поза-

ботиться коммуны сейчас-же после их провозглашения.

Защита наших завоеваний и творческого строительства. Желательно, чтобы начавшаяся социальная революция была всемирной, чтобы загоревшись пожаром в одной какой-нибудь стране, тотчас-же прокатилась бы волною по всем странам, по всему миру. Но едва-ли это так когда-либо совершится. Да и ожидать на эту возможность нет никакого смысла. Мы ведь прекрасно знаем, что революции вообще не делаются, они никогда еще в истории не вызывались по желанию тех или других ее идеологов, а вспыхивали совершенно неожиданно, стихийно и не во всех странах в одно и то же время.

Для того, что бы вызвать всемирную революцию в одно и то же время необходимы везде одинаковые субъективные условия, т. е. однородность темпераментов у народов и однородные психологич. факторы, в то время, как не всегда да же и объективные факторы одинаковы. Здесь нам скажут сторонники всемирной революции, что надо подготовить психологически все народы, во всех странах к этому посредством усиленной пропаганды. Само собой понятно, что интернациональная пропаганда социальной революции должна вестись усиленно. Но если социальная революция в какой нибудь стране начнется раньше, то никакая сила не сдержит ее проявления и она начнется вопреки желаниям тех, которые хотят видеть ее в интернациональном масштабе. Возможно она будет безуспешной, смотря по тому, в какой стране сперва начнется. Но едва ли какая нибудь из политических партий сумеет ее повернуть в свою пользу.

Поэтому нам желательно, чтобы она сперва началась в стране с обширной территорией и всевозможными природными богатствами, например, в России, Соединенных Штатах Северной Америки, Японии, одновременно Франции, Италии и Германии, или в Англии и ее колониях.

Социальная революция имеет наибольшие шансы на успех в такой стране как Россия, или Франции и Италии, взятых вместе, так как ко всему, говорящему в пользу ее, присоединяется еще революционный темперамент этих народов. Предположим, что сперва она успешно будет

проведена в России. Страна эта громадная и в стратегическом отношении имеет преимущество над всеми другими. Но ввиду того, что пока еще в соседних странах держится капиталистический строй, наш враг, мы для всякого случая должны быть всегда готовы к отражению буржуазной интервенции.

Значит в нашем распоряжении должно быть достаточное количество боевого материала и оружия, следовательно, военному искусству придется обучаться всем членам (мужчинам) коммуны, конечно не в казармах, а в свободное от работы время. Известная часть—эти боевые революционные отряды,—как только будет угрожать опасность, немедленно вооружаются и выступают против врага, а после войны возвратятся назад, по своим коммунам и займутся опять производительным культурным делом.

Производство и культурное строительство в момент ухода некоторой части на фронт против врага, во время военных действий, — должно продолжаться полным ходом оставшейся частью рабочих в коммуне. На фронт посылают известную часть своих обученных боевых отрядов всей коммуны, всей, объединенной в федерацию, страны.

Конечно, более серьезных попыток нападения со стороны соседних капиталистических государств едва ли придется опасаться, так как этому несомненно воспрепятствует рабочее движение этих стран, скорее можем предположить, что таковые будут совершенно невозможны.

Наше отношение к рабочим в других странах, где не уничтожены еще капитал и власть. Совершившийся факт социальной революции в такой большой стране, как, например, Россия, или одновременно в Италии, Франции и Германии окажет очень громадное влияние на рабочие организации и народную массу тех стран, в которых в предсмертной агонии еще господствует государственный строй, капитал, демократия или кака-нибудь политическая партия. В таком случае стране безвластия придется употребить всю энергию, чтобы поднять революционный дух на должную высоту во всех остальных странах. Мы должны будем своей творческой деятельностью показать превосходство жизни на безвластных началах, а равно и иметь с рабо-

чими организациями всех стран прочные связи, поддерживать их морально и материально.

Наше влияние и помощь тогда безусловно сыграют наибольшую роль в революционизировании всемирного трудового народа. При таких обстоятельствах мы не будем иметь ни малейшего сомнения, что по соседству с нами расположенные страны одна за другой, в один прекрасный день, возстанут и сбросят с себя государственные цепи и правителей, так же как и мы это сделали в своей стране. Строить коммунальную жизнь на началах безвластия им будет гораздо легче: наш опыт будет уже известен и мы непременно окажем большую помощь и поддержку в этом.

Стало быть, скоро после нашего успешного опыта, успешного проведения социальной революции и строительства безвластия, вся Европа под нашим влиянием, по нашему примеру и с нашей помощью установит безвластие, вольные федерации коммун, которые войдут немедленно в добровольные союзы между собой и с нами, и займутся творчеством все лучших и лучших условий общей жизни, общей братской семьи всей Европы.

Что касается стран других частей света, то и там, после такого великого события в Европе, не удержится на долго капитал и власть. Скорее всего можно думать, что и там, под влиянием и при поддержке Европы скоро произойдет то же самое: возстанут подавленные под ярмом государства народы, сбросят его с своей шеи и заживут по нашему примеру.

Таким образом, через несколько лет, может быть десятков, после социальной революции в нашей стране и всей Европе (это я беру как пример), осуществится она и в остальных странах всего мира. Вообще, стоит только совершиться ей успешно в одной какой-нибудь стране, и тогда примеру этой страны последуют и другие страны одна за другой.

В заключение мы должны сказать, что вышеизложенные положения представляют только краткий, недостаточный обзор, так сказать, только введение в обсуждение наших задач и предварительных планов нашего практического разрешения социальной революции в будущем.

КООПЕРАЦИЯ И АНАРХИЗМ.

Иос. Маевский.

(Статья 2-я).

Кооперация представляет для нас интерес не только как новая, социалистическая система хозяйства, но и как прототип новой, свободной политической организации. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим как организовано в кооперации управление.

Хозяином и вершителем судеб кооператива является общее собрание его членов, на котором каждый из них имеет одинаковые права и голос — независимо от количества его паев и величины его вкладов. Общее собрание определяет направление работы кооператива, устанавливает план его операций, указывает в каких размерах и из каких источников он должен черпать свои средства, выбирает должностных лиц, устанавливает их права и обязанности, осуществляет над ними свой контроль. Для непосредственного ведения дел и исполнения постановлений общего собрания, это последнее выбирает правление; для того чтобы правление не превысило своих полномочий, избирается совет, который заседает периодически вместе с правлением и совместно с ним определяет план ближайшей деятельности и следит за тем, чтобы правление исполняло постановления общего собрания и вело дела кооператива именно в том духе, в каком общее собрание желает. Кроме того, имеется еще ревизионная комиссия, которая следит за правильностью счетоводства и, вообще, формальной стороны деятельности правления и совета.

Как совет, так и ревизионная комиссия имеют определенные права, в том числе право созыва общих собраний и право временно устранить того или другого члена правления, в случае совершения им каких либо злоупотреблений. Высшим судьей, в случае возникновения каких-нибудь недоразумений, является общее собрание. Ему же как правлению, так и совет и ревизионная комиссия обязаны давать ежегодно полный и подробный отчет в своей деятельности.

Эта система неуспынного контроля над всеми должностными лицами обеспечивает общество,

как от злоупотреблений, так и от чрезмерного усиления правления, которое формально не имеет решительно никакой власти и может действовать только в пределах тех полномочий, которые предоставляются ему уставом общества и постановлениями общего собрания.

Кооперативное товарищество представляет собою открытое общество, т. е. такое, в которое члены могут вступать в неограниченном числе, и из которого всякий может в любой момент выйти. На общих собраниях решения принимаются большинством (иногда $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$) голосов, но подчинение меньшинства основано только на моральном убеждении, а не на насилии или на карах.

Кооперативные общества объединяются между собою в союзы, причем, вступая в союз, каждое общество сохраняет свою самостоятельность. Эти союзы управляются согласно своим уставам (договорам), которые вырабатываются съездами уполномоченных от отдельных обществ, и постановлениями этих съездов (если эти постановления не опротестованы общим собранием отдельных обществ). Во главе союзов также стоят правления, советы и ревизионные комиссии — с теми же приблизительно правами и обязанностями, как и в отдельных обществах. Союзы объединяются на таких же началах в союзы союзов, т. е. в центральные союзы. Эти центральные союзы представляют собою огромную экономическую силу объединенной кооперации, с крупными капиталами и с оборотами в сотни миллионов. Однако, благодаря тому, что вся организация построена на конфедеративном начале, право окончательного решения по всем вопросам, т. е. верховная (суверенная) власть находится не в центре, а на периферии — в мелких обществах и их общих собраниях, т. е. в руках самого народа. Центр не может принимать никаких решений по принципиальным вопросам, никаких постановлений обязательных для обществ — его дело заключается только в том, чтобы выполнять постановления составляющих его обществ и их

с'ездов.

С тех пор, как существует история, кооперативный принцип нигде еще не получал такого широкого применения, как в области кооперации. Вот та свободная ассоциация снизу вверх, та вольная конфедерация хозяйственных групп, о которой говорит анархическая литература. Но выросла эта конфедерация без всякого воздействия идейной литературы, из самостоятельности народных масс, из самой жизни нашего времени. Если сопоставить грандиозный хозяйственный успех кооперации с уродливым ростом всех социалистических хозяйственных начинаний, основанных на принципе принуждения, то само напрашивается заключение, что истинно народное хозяйство возможно только на анархических началах, что только на этих началах возможно народное творчество в экономической области.

Однако, не только в экономической, а и в политической. Перенесите кооперативный аппарат и кооперативные начала управления в область политическую, и вы получите ту федерацию свободных коммун, осуществление которой завещала нам Парижская Коммуна в своем предсмертном манифесте, и то объединение свободных советов, идею которого проповедывала росийская партия большевиков в период октябрьской революции. История показывает нам, что народ, когда он предоставлен самому себе, неизменно приходит к такой государственной организации, которая более или менее приближается к этому идеалу — вспомним времена конфедерации колоний Новой Англии, современные Новую Зеландию и Австралию, бурские республики и т. д., не говоря уже о бесчисленных примерах конфедераций древности и средневековья.

Нет никакого сомнения, что в момент социальной революции народ в тысячах мест и в тысячах случаев будет стремиться управлять собою сам, и противиться бесчисленным попыткам често- и корысто-любцев выхватить у него из рук власть. Десятки партий будут стараться обойти народ, вырвать у него власть, или хитростью убедить его отдать им власть, и будут ожесточенно бороться за эту власть между собою. И нет ни одной партии, которая ставила бы себе це-

лью защиту народной власти.

Все социалистические партии исходят из предпосылки, что народ слишком глуп, чтобы непосредственно вести свои дела, как экономические так и политические, и все считают, что для того, чтобы из революции вышел толк, надо чтобы народ пошел за ними и использовал драгоценный сок их мозгов. Одни только анархисты верят в силу самостоятельного народного творчества. Однако, верить и только верить — недостаточно, как недостаточно скрестить руки и с презрением отойти в сторону, если жизнь не сразу дает полную анархию — так поступили в русской революции многие из лучших анархистов (о том же, что делали другие — лучше не говорить). Не подлежит никакому сомнению, что революция не может привести непосредственно к анархическому строю — в этом отношении наивничать могут только дети. Прежде, чем достигнуть таких общественных условий, когда не надо будет никакой власти в какой бы то ни было форме, нам придется пройти через этапы, из которых каждый будет знаменовать собою все большее умаление принципа власти и уменьшение принудительной силы общества. В этом отношении тот строй, который осуществляется кооперацией, представляет собою колоссальный шаг вперед по сравнению с современным демократическим. Дальше этого по пути к безвластию в наше время идти невозможно — и это мы должны хорошенько понять. Если мы сейчас сидим на задворках социального движения, то именно потому, что в моменты действия мы выдвигали чрезмерные требования естественной эволюции от рабства к свободе. Эти требования настолько расходились с требованиями практической жизни, что они оставались непонятными для масс, вследствие чего мы стояли среди них чуждым и изолированным островком.

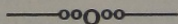
Конечно, эволюция общества может совершаться без нашего содействия; она совершается по определенным законам, и мы вовсе не являемся необходимым для нее элементом. Но, с другой стороны, не подлежит сомнению, что наше сознательное участие может и ускорить движение, и избавить ее от многих лишних остановок и толчков. Кооперация тоже развивается и без

нашего участия; но, предупреждая ее ошибки, мы можем значительно ускорить ее развитие. Идея государства рушится не от наших стрел, а в гораздо большей степени от того, что социал-демократы мастерски выявляют все вредное, злое и реакционное, что таится в государственной идее, даже тогда, когда она надевает маску социализма; однако, создание свободного, безначального общества еще десятки раз потерпит неудачу, революция будет еще десятки раз катиться назад если мы, анархисты, не поставим себе целью шаг за шагом подвигать народные массы к полному самоуправлению, и не научим их систематически разрушать все, даже малейшие, попытки к захвату власти. Эту борьбу с властолюбием должны вести мы, и мы должны вести ее на каждом шагу и на каждом шагу приучать массы вести ее — и в мастерской, и на фабрике, и в наших

обществах, и в трэд-юнионах, и в кооперативах, словом всюду и везде; и не потом, не во время революции, а сейчас, в предреволюционных буднях.

Но для того, чтобы эта борьба с властью давала прочные результаты, нам надо стремиться всюду и везде заменять власть — волею и контролем массы; заставить властолюбцев подчиниться воле массы и действовать под ее бдительным контролем — значит сокрушить и обезвредить его.

Уничтожить давление внешней власти над обществом, закрепить власть, всю власть, в руках народных масс, общества — это значит совершить половину пути по дороге к анархизму; другая же половина его, освобождение личности от всякого давления со стороны общества, составляет уже дело завтрашнего дня.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ.

На душе каждого современного человека, независимо от его социального положения и от его образования, лежит много пороков, грехов и преступлений. Преступления эти — слишком разнообразны. И ни одно преступление не остается в нашем мире безнаказанным. Современное правосудие относится слишком жестоко ко всякому человеку, совершившему то или иное общественное преступление. Если причина того или другого преступления кроется даже и не в самом человеке, а в общих условиях нашей социальной жизни, даже и в этом случае современное правосудие никогда не оправдывает этих общественных преступлений. И в этом положении кроется истинная трагедия этого правосудия. С одной стороны, это положение надо оправдывать, с другой же стороны, это положение необходимо отрицать. Здесь мы имеем две стороны правосудия: сторону правды и сторону лжи.

Оправдывать его необходимо потому, что всякая форма суда должна преследовать идею правосудия, идею справедливости; и с этой точки зрения нельзя идею права ставить в рамки

каких то ограничений и исключений. Необходимо в данном случае считаться только с фактами преступлений. В противном случае идея права скажется мертвым понятием, как это наблюдается сейчас в России, где суд не руководствуется теми или иными правовыми нормами, а руководствуется классовыми и государственными интересами. Само собою разумеется, что нельзя в данном случае говорить о какой бы то ни было справедливости этого правосудия. Здесь руководствуются судьи "личным усмотрением". Здесь господствует их личный произвол. Если ты — "пролетарий", если ты избранник божий, к тебе эти судьи относятся снисходительно. Ты можешь убить человека почти безнаказанно. Но если ты не "пролетарий", а ктонибудь другой, если ты простой смертный, тебе этот суд вынесет смертный приговор за самое ничтожное преступление. Впрочем, тебя могут убить в России даже и без этой судебной комедии. Если ты не пролетарского, а более высокого происхождения, тебя убьют как заложника; убьют за то, что ты родился дворянином. Вполне понятно, следовательно, что

го основу всякого суда должна быть положена идея права, а не идея классовых и государственных интересов. И не может, следовательно, истинный суд ограничивать идею права разными причинами и условиями тех или иных преступлений. В противном случае и этот суд превратится в то же злодейство и варварство, которыми отличается так русская (большевицкая) судебная действительность.

Ложь этого абсолютного правосудия заключается в том, что очень многие преступления вытекают непосредственно из нашей социальной несправедливости. И никакие суды, и никакие наказания преступников, не будут никогда в состоянии достигнуть в этом отношении хотя бы самого минимального правопорядка. Но в этом виновата уж не сама по себе идея права, а виновата наша общественная несправедливость. Ложь кроется здесь не в идее права, а в некоторых правовых нормах, оправдывающих эту общественную несправедливость. И в правовом порядке трагедия этих преступлений почти неразрешима. Для этого необходимо преобразование общества на началах социальной справедливости; и только в этом случае возможно будет разрешение этих великих трагедий. С преобразованием общества происходит также и преобразование права. И только в этом случае возможно будет думать об истинном правосудии.

Есть точно также и другие преступления, преступления внутреннего и духовного порядка. И большинство из них совершается в какой то другой плоскости, в каком то другом плане, где невозможно какое нибудь внешнее и принудительное наказание. Но, в сущности, и в этих случаях, все эти преступления не остаются безнаказанными. Все эти преступления искупаются человеком в том же духовном внутреннем порядке. И это самонаказание, это искупление своих грехов, бывает в большинстве случаев более ужасным и мучительным, нежели всякое внешнее наказание. Раскольникову Достоевского было бы вероятно легче перенести каторгу, нежели сознание своего греха и своего преступления. Вот почему и можно думать, что внутреннее искупление тех или иных грехов и преступлений есть несравненно большее наказание, нежели всякое

наказание внешнее и принудительное. И, как это ни странно, но не было, кажется, в истории ни одного преступления, которое осталось бы безнаказанным. Таковы уже, вероятно, законы космической жизни, что вслед за преступлением идет и наказание, наказание внешнее и наказание внутреннее.

Теперь появляется следующий вопрос: совершают ли те или иные преступления уже не отдельные личности, а целые нации, общества, государства, а также и все человечество? На этот вопрос следует ответить положительно. Великие преступления совершают иногда и целые нации и государства. Для этого не нужно становиться даже и на точку зрения анимистов и органистов, учения которых логически дополняют друг друга, и представляющих себе всякую нацию, общество и государство какими то живыми одухотворенными организмами, живущими той же жизнью, какою живет и всякий другой организм, и всякая другая личность. Хотя представители этих теорий и видят все зло в человеке, надо признать, тем не менее, что это зло свойственно и этим общим организмам, именуемым этими мыслителями нациями, обществами и государствами. И все эти "естественные организмы" можно сравнивать во всех отношениях с отдельными людьми, с отдельными личностями. И надо признать также, что положительные и отрицательные качества этих организмов — совершенно разные. И в этом отношении встречаются в истории своеобразные "преступные типы", хотя об этом и не подумали до сих пор ни органисты, ни анимисты. Но вся мировая история подтверждает это положение.

И спрашивается еще после этого: имеется ли Высший судия, который осудил бы иногда этих преступников и мог бы вынести им достойный приговор? На этот вопрос очень трудно, разумеется, дать сколько нибудь удовлетворит. общий ответ. Все это зависит от того, как понимает каждый из нас весь мировой процесс и сущность этого процесса. На этот вопрос могут быть разные ответы. Один из французских мыслителей говорит, например, что всякие несчастья нации, общества или государства есть роковая "расплата за грехи прошлого". Все эти бедствия и

несчастья и есть суровый приговор Неведомого Судьи. Быть может это приговор Истории, а может быть и приговор Судьбы. Но раз эти бедствия и несчастья обрушиваются иногда на человечество, нельзя конечно думать, что они обрушиваются совсем безпричинно. В этом есть какой то глубокий смысл, есть какая то великая Тайна, есть вечная Правда Истории.

Одним из величайших преступлений человечества является смертная казнь. И надо думать, что этого преступления никогда не простит людям история. Когда смертные казни совершаются в некультурных странах или же среди каких либо дикарей, ведущих полуживотный образ существования, все эти нечеловеческие явления не кажутся еще такими кошмарными и зловещими. От дикаря и зверя нельзя требовать ничего человеческого, нельзя требовать слишком многого. Понятны еще эти ужасы и в тех случаях, когда они освящаются, например, некоторыми религиями и совершаются во имя Божие, как это наблюдается в иудейской религии, освящающей всякую кровь и всякое убийство, если в основу их положены чувства возмездия. "Око за око и зуб за зуб". Заповедь "не убий" более позднего происхождения. Это, впрочем, не заповедь, а самый жалкий и ничтожный софизм. Этот софизм противоречит всем основным положениям и иудейской религии. Сам иудейский бог—это верховный палач и убийца. Он не знает жалости и милосердия, не знает он любви и сострадания. Он знает злобу и ненависть, мщение и убийство. Страницы Библии ярко свидетельствуют об этом.

Когда же смертные казни совершаются в мире христианском, это приводит в негодование всякого мыслящего человека. И большинство людей этого христианского мира осуждает это злодеяние, указывая в данном случае на то, что эти убийства, именуемые смертными казнями, устраиваются не народом, а правящими классами. Так думал и Толстой, так думал и Владимир Соловьев... "Не могу молчать"! Эти слова были обращены ведь главным образом к правительству, а не к народу, все лучшие сыны которого убивались с неподражаемым мастерством русским правительством. Известное выступление про-

тив смертной казни Вл. Соловьева, лишившее его университетской деятельности, было не только обращением к народу, но и пламенным протестом против творимых правительством злодеяний. Но в этих ужасах и преступлениях виновны не одни правительства. Кровью убитых обогреты руки и всего народа, где только применялись и применяются эти убийства. Повинен в этом преступлении и каждый человек. Если тот или иной народ не может укротить зверские инстинкты своего правительства, этот народ не имеет права и называться народом. Это ведь не народ, а молчаливое стадо рабов. И человек не имеет права называть себя человеком. Это была бы насмешка над самим собою. Правда, находятся люди, особенно среди правящих классов, которые оправдывают смертные казни именем Христа и христианством, но это ведь не что иное, как самое ужаснейшее кощунство над христианством. И истинный христианин не может этого сказать. Это говорит сатана, называющий себя христианином.

Борьба против смертной казни ведется, в сущности, очень немногими людьми. И очень немногие народы достойны имени народа. Это те народы, которые раз навсегда отменили эти кровавые зрелища. Все остальные люди молчат и до сих пор и косвенно оправдывают эти злодеяния. Молчат и представители культуры. Молчат все люди до тех пор, пока палач не занесет над ними меч и не покажет им веревку. Только тогда они и протестуют. Но это уже не протесты, а жалкие крики отчаяния. Поздно протестовать в это время. Протестовать же раньше они не могут: у них нет смелости для этого.

В числе этих безстрашных борцов против смертной казни имеется мало имен. И, к чести русского народа, большинство этих имен принадлежит России. Великим человеком считается Виктор Гюго. Его величие — удел немногих. Его "Последний день осужденного" будет являться вечным осуждением этого великого преступления человечества. "Баллада Редингской Тюрьмы" Оскара Уайльда будет вечно передавать нам весь ужас и всю потрясающую трагедию этого кошмарного преступления. В России больше этих имен. Здесь и Толстой, и Соловьев, и Кро-

поткин. Здесь Леонид Андреев со своим "Раз-сказом о семи повешенных"; здесь Короленко с "Бытовым явлением"; здесь Гернет со своей замечательной исторической монографией; здесь А. Карелин со своими речами и со своими работами. Много имен, много и литературы.

Но как смеется над людьми История! В стране, где имеется много активных борцов против смертной казни, где осуждается это великое преступление целым народом, в этой стране совершается больше казней нежели во всей Западной Европе и Америке. Когда было в России царское правительство, тогда была возможна еще некоторая статистика этих убийств. А сейчас невозможна никакая статистика. Официальные отчеты главного штаба русских палачей являются пустыми фразами. Люди убиваются тайно. И ни один историк не в состоянии будет выполнить более точную статистическую работу. Число убитых этими палачами останется тайной для будущих поколений. В этой несчастной стране совершается Пляска Смерти. И музыкальная поэма Сен-Санса кажется в этой русской действительности не Пляской Смерти, а Пляской Безумия. Безумие бледнее Смерти. Трагедия Безумия есть слабый отзвук трагедии Смерти. Картина Беклина "Остров Смерти" кажется в этой действительности каким то полусутливым полусерьезным наброском. Эта картина производит на многих людей очень сильное впечатление. Но эта картина — пустая картина. Подлинным "Островом Смерти" является в наше время Россия. Там подлинное торжество Безумия и подлинное торжество Смерти. В творениях Беклина и Сен-Санса нет этой подлинности, нет истинного пафоса Смерти.

И все это совершается в той стране, где властвуют люди, именующие себя защитниками правды и справедливости. И все эти вакхические оргии устраиваются ими этими социальстами не во имя Бога и не во имя религии, а во имя "пролетариата". В кровавых подвалах своих штабов они убивают безоружного человека, убивают виновного и невиновного, и называют эти злодеяния "классовой борьбой". Все это ложь, конечно, ибо они убивают не только аристократию и интеллигенцию, но убивают также и "про-

летария". И вся их "классовая борьба" — великая ложь и подлог. У них имеются цели другие. И все их злодеяния имеют другую природу. В России имеется много лиц и много тайных организаций, задавшихся целью сносить с лица земли все мыслящее, разумное и духовное. В России есть изузиты. В России есть и Орден Сатанистов. Есть много оснований думать, что многие из нынешних властелинов России принадлежат к этому Ордену Сатанистов. Некоторые из них, будучи еще в эмиграции, посещали сатанинские Черные Мессы в Париже. И все свои вакхические оргии они устраивают не во имя "пролетариата", а во имя каких то других целей. Они совершают их во имя Дьявола, во имя своего Светозарного бога. Если бы они были самыми ужасными преступниками и негодяями, они все же не устраивали бы подобных сатанинских оргий. Их может устраивать только Сатанист. Эту правду начинают понимать уже очень многие люди в России.

И трудно разумеется, бороться с этими темными генферальными силами. Для этого необходимы могучие светлые силы, необходима воля и энергия. Необходима новая рыцарская борьба, борьба за полное уничтожение этих демонических сил. Эта борьба ведется, разумеется, в России; она ведется всеми лучшими людьми. Средства борьбы этой — разные. Трудно сказать, конечно, чем кончится эта борьба, кто будет в этой борьбе победителем. Но эта борьба — борьба жестокая и роковая — борьба на жизнь и смерть. В этой борьбе должны погибнуть или одни, или другие силы. Никакого примирения в этой борьбе быть не может. Борьба с этими темными силами определит будущие судьбы России.

Года три тому назад, во время самого свирепого и дикого разгула этих черных сил, казалось иногда, что все уже потеряно безвозвратно, что всякое сопротивление этим силам будет только великим и героическим самопожертвованием. Это был период упадка сил России, период некоторого пессимизма. И в это время одно русское общество обращалось за помощью к культурным людям Западной Европы. Этим обществом были написаны обращения к некоторым писателям (А. Франсу, Р. Роллану, Г. Гауптману,

Г. Уэлсу, Р. Тагору), в которых указывалось на необходимость протеста со стороны западноевропейского культурного мира против этих неслыханных в истории злодеяний. Трагедия этой борьбы с этими черными силами заключалась в том, что это несчастье обрушилось на Россию совершенно внезапно. Все было разбито и уничтожено. Многие думали также, что все эти несчастья — явления временные. Но оказалось, что это проклятие повисло над страной на долгое время. На этих великих развалинах собирались последние силы России. В это же время и слышен был этот зов о помощи. В настоящее время внутренние силы России значительно окрепли. И эти силы будут крепнуть с каждым днем. Россия понимает сейчас истинную природу большевизма. А раньше были скептики. Многие думали, что большевизм — это благо и справедливость. Многие думали, что это равенство, свобода и социализм. Теперь эти иллюзии рассеялись. Теперь Россия видит, что большевизм — это истинная демонократия (а не демократия), что большевизм — это слезы и кровь, что большевизм — это мрачное шествие безумия и смерти. И если большевизм задался целью совсем уничтожить Россию (в официальном языке большевизма России уже нет), то все его цели и замыслы окажутся в конце концов разбитыми и уничтоженными. Быть может и сейчас уже он чувствует свою гибель.

Волна убийств и казней, прокатившаяся сейчас по России, несколько свидетельствует об этой агонии большевизма. Но все эти казни и убийства не спасут их от приближающейся гибели. Не спасут их и те утопические средневековые пытки, которые проповедуют эти "социалисты" в своих официальных органах. На трупах человеческих никто не может строить своего царства; его не может построить даже и сам дьявол.

В борьбе против восстановления большевиками смертной казни в России первые выступления принадлежат А. Карелину и покойному Ю. Мартову. Эти люди имели смелость выступить открыто против этого подготовляющегося истребления всех лучших сыновей великого народа. И когда партия социалистов-революционеров протестует сейчас против этих убийств и казней, в

этих протестах чувствуется какая-то глубокая ложь, какое-то гнусное лицемерие. Ведь эта партия поддерживала большевизм в восстановлении смертной казни. Искренний и честный человек не может оправдывать это злодейство ни временем, ни пространством. Он отрицает его догматически. У этих же социалистов-революционеров нет никакого идеала; не может быть у них и искренности. Они — реальные политики. Всякая же реальная политика не знает идеалов, не знает никакой морали. В этой политике нет места идеалам; в ней есть мещанская идеология. Ея мораль — мораль бунтующих и большевиков. Вопросы смертной казни для них не принципиальные вопросы, а вопросы тактические. Если казнят их противников — это хорошее дело. Если казнят их самих — это плохое дело. Желают сами быть палачами и не хотят, чтобы казнили их. Так поступают и большевики. Когда их арестовывают иногда в Европе и Америке, они называют даже эти аресты "неслыханными злодеяниями буржуазных правительств". Когда же они сами дробят людям головы раскаленным свинцом, это считается подвигом, героизмом и справедливостью. Когда к ним попадает в руки какой-нибудь бывший агент-provocateur, они убивают его, как подлеца и негодяя. Когда же эти provocateurs говорят им о том, что и у них есть эти люди, есть еще в большем количестве, нежели в царской охранке, они им говорят на это, что эти люди-герои. Они достойны почестей и славы. Все они — кавалеры ордена Красного Знамени. Есть эта ложь и в партии социалистов-революционеров. Впрочем, эта великая ложь и должна быть у реальных политиков. Эта же ложь и это лицемерие имеются даже у некоторых анархистов, примыкающих к "классовому" движению. Они протестуют против всех большевистских злодеяний, протестуют против разтерлов "политических", но у них нет смелости выступить в защиту жизни человека. Неужели жизнь "политического" оценивается золотом, а жизнь "человека" оценивается грязью. Жизнь "политического" и жизнь "человека" — вполне равноценны. Они требуют свободу слова и печати для себя, для разных социалистических партий и ничего не говорят об этих свободах

для других людей. Судьбы политических партий для них важнее судеб человечества. Сущность общественной жизни кроется ведь не в этих политических и социалистических партиях, а в чем то другом и в чем то более глубоком. Все эти социалисты и политики являются пеной общественного моря. Удельный вес этого моря нельзя ведь сравнивать с удельным весом этой пены. Все эти политики и социалисты — вечные фикции, а не живые организмы. В них нет соли жизни. Но эти анархисты думают, вероятно иначе. Они хотят свободы для себя, для своих "классов" и для товарищей социалистов. Свобода человека и человечества их очевидно мало интересует. У них нет смелости выступить раз навсегда против всяких убийств человека. Они протестуют против большевических разнузданных оргий, против преследований "политических" и сами может быть готовы применять подобные убийства в своей "жесткой классовой борьбе с буржуазией". Но это ведь — реальная политика. Это — ложная логика большевизма. Это жалкая мещанская защита своих партийных интересов и интересов "социалистов". Истинный анархист не может думать так, как думают реальные политики и мещане от социализма. Истинный анархист не может бороться за "классы", за те или другие новые сословия. Для него нет этих понятий. Для него существует человек и человечество, как абсолютные ценности.

И вот теперь, когда устраиваются некоторые лицами целые походы против того человека, который отдал почти все годы своей жизни на алтарь Освобождения, кто был самым неутомимым борцом против смертной казни, все это кажется сейчас какой то не человеческой, а сатанинской дерзостью. Эти пигмеи мысли, знания и дела доходят даже до того, что называют его ренегатом. Я не согласен с мнением Карелина о большевическом боге. Это мнение противоречит русской ужасной действительности. Эта действительность противоречит мнению Карелина. Творчество этого бога — злое творчество. Быть может у этого бога и были намерения создать что нибудь доброе, но результаты его творчества всегда оказывались злыми. Гетевский Мефисто-

фель характерен тем, что "вечно хочет зла, но лишь добро творит". А этот большевистский Мефистофель был вероятно другим: хотел добра и зло творил. И я не защищаю в данном случае позицию А. Карелина. Она достойна осуждения. Но нельзя осуждать этого человека так, как осуждают его эти лица. Мы можем осуждать его мнение, мы можем критиковать его. Но имеем ли мы какое нибудь право бросать в этого человека камнями? Никто из нас не сделал ведь и сотой доли того, что сделал этот человек. И только плебей духа может злиться и негодовать в том случае, если с ним не согласны другие. Чувства обиды, злобы и мести есть проявления духовного плебейства. И не шипеть, и не пениться нужно в этих случаях, а побеждать своим величием всякую неправду и всякую несправедливость. Плебей духа — жалкие создания. Они думают победить других своим шипением и камнями. Но это жестокое заблуждение!

Анархисты — люди будущего. Анархизм — это подлинный духовный аристократизм. И в совершенном анархическом обществе немислимы люди обогие духом, немислимы никакие плебеи. Природа будущего — аристократическая природа. И в настоящее время, когда безмолвствует все человечество, анархисты обязаны говорить людям о необходимости права на жизнь. Это — их долг. Право на жизнь есть элементарнейшее право человека. И это право человек должен иметь. Борьба против смертной казни — это наш нравственный долг. В этой великой и благородной работе анархисты первыми должны сказать свое слово. В борьбе против смертной казни не грех объединяться и с людьми "буржуазными". Это ведь не дело политических партий, а дело общечеловеческое. И надо думать, что в этой борьбе примут участие все лучшие люди Европы и Америки. Бороться с этим злодейством нужно не только в России, где эти казни совершаются в неслыханных в истории размерах, но нужно бороться с этим варварством в каждой стране, где только существуют эти общественные преступления. Общественное мнение услышит этот голос и, может быть, отменит эти кровавые зрелища. Люди опомнятся быть может во время и избегнут еще карающей руки безмер-

ной Немезиды. Правительства злодействуют; злодействуют судьи и палачи. Весь христианский мир должен вспомнить учение своего Великого Учителя. И в этой борьбе против смертной казни нельзя призывать человечество к последней расправе над палачами. Убивающий безоружного палача становится сам палачом. Большевики — злодеи и убийцы; они Иуды и Канны. Но христианское сознание не имеет ничего общего с чувствами мести. Христианин не может убивать убийцу. Ты убил человека — значит надо убить и тебя. Такова логика у всех защитников смертных казней. Но это ведь заколдованный круг: здесь нет начала, нет и конца. Никто из нас не знает, кто первый начал убивать. Все эти жалкие софизмы враждебны нашему человеческому сознанию. Этими софизмами оправдываются все убийцы. Не убивать их нужно, этих палачей, а посадить в особый сумасшедший дом. Нормальный человек не может наслаждаться этой ужас-

ной "работой", этими страшными зрелищами. Это не люди ведь, а звери и чудовища.

Не так давно газета "Нью Йорк Таймс" сообщила о том, что на Филлиппинских островах состоялась первая казнь на электрическом стуле. Американское правительство гордится вероятно этим великим техническим достижением. Оно отправило эту "машину" даже на Филлиппинские острова. И оно думает, вероятно, что это подвиг и героизм. Неужели человеческая культура заключается в этих электрических стульях и гильотинах? Неужели социализм строится на кровавых подвалах и эшафотах? Неужели мораль человечества строится на всевозможной лжи и нравственной нечистоплотности?..

Необходима борьба с этим злом. Право на жизнь есть величайшая святость и величайшая ценность. Нет этого права — нет и человека...

Дельта.

Антильские острова. Июнь, 1924.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ РАЗ.

(К 19-ти летию со дня смерти Э. Реклю).

Девятнадцатый раз мы пришли,
Наш наставник и друг дорогой!
И венок мы с собой принесли,
Но венок наш иной — не земной.

Не из ярких душистых цветов,
Не из пышных пылающих роз, —
Он соткан из тяжелых оков,
И унизан брильянтами слез.

Переливом лучей, как янтарь,
На нем искрится алая кровь —
Что лилась на священный алтарь,
За свободу, за мир, за любовь.

И главу наклонивши свою,
Наш наставник и друг дорогой!
На бессмертну могилу твою
Мы кладем наш венок неземной.

Не украсит он старой плиты,
(Как вон там, на могиле купца),
Наш венок — не цветы! не цветы! —
Это скорбные наши сердца...

Мы кладем их на холмик родной,
Чтоб согреть, укрепить и омыть,
Ключевой животворной водой,
Что невидимой струйкой бежит

Из под старой заросшей плиты..
Наш наставник и истины страж! —
Научиться так жить, как жил ты,
Мы пришли девятнадцатый раз.

Ю. С. К.

ПЕРВОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ.

А. Карелин.

(Продолжение).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ В ШВЕЙЦАРИИ.

В 1865-м году П. Куллери основал в Шоде Фон, в Романской Швейцарии, секцию (отдел) Интернационала. В течении следующего года, под его влиянием, организуется в Швейцарии еще 4 секции. В том же году организуются секции в Женеве (под влиянием Беккера), в Лозанне, Веве, Монтре. В 1866 году К. Мерон и Ж. Гильом организуют секцию в Локле.

Женевские секции, особенно немецкого языка, устраивали разные кооперативные товарищества, сберегательные и ссудные кассы. Несколько позднее, швейцарские секции немецкого языка начали мечтать о захвате власти путем участия рабочих в выборах в буржуазные парламенты.

Беккер издавал газету.

В апреле 1867-го года секция в Локле издала протест против предполагавшейся между Францией и Пруссией войны. В этом протесте высказывалась надежда, что Интернационал, сдлавшись численной и моральной силой, запретит правительствам воевать. В то время никто не думал, что явится подделка под Интернационал, что явится Интернационал соц.-дем. политических партий, который примет позорно энергичное участие в войне, разбившись в момент военной угрозы на грубо националистические партии.

В сентябре 1867-го года состоялась конференция делегатов швейцарских секций и объявила редактируемую Куллери газету "Голос Будущего" официальным, так сказать, органом романских секций Швейцарии.

В это время члены швейцарских секций вмешивались еще в избирательную борьбу. Так как "Голос Будущего" не вел пропаганды, то секция в Локле решила издавать газету *Le Progress*. Первый № этой газеты вышел 18-го декабря 1876 года и в это же время в декабре же месяце, стала выходить в Женеве еженедельная газета *L'Egalite* — орган всех групп

Романской Швейцарии.

Секции собирались более или менее часто, например раз в месяц, устраивались образовательные вечера, устраивались маленькие библиотеки, читались лекции, как членами Интернационала, так и приглашаемыми для этого лицами, составлялись общие собрания нескольких секций, созывались митинги, велось издательское дело, устраивались клубы, выпускались маленькие прокламации и пр.

Швейцарский Интернационал вел пропаганду новых принципов, вмешивался в стачечное движение, протестовал против призыва армии во время стачек.

2, 3, и 4 января 1869 г. собрался конгресс всех секций Романской Швейцарии. Организовалась Романская Федерация и *L'Egalite* стала ее органом. Секции этой федерации объявили себя автономными, при чем их уставы не должны были все таки противоречить уставу Интернационала и уставу федерации.

Выбирается федеральный комитет из семи человек и решается, что он будет ежегодно выбираться конгрессом. Годовой взнос каждого члена федерации был определен в 10 сантимов.

В октябре 1869-го года Романская федерация насчитывала уже 47 секций.

Швейцарский Интернационал помогал забастовщикам словом, в том числе и печатным, деньгами, агитацией. Один раз стачка окончилась основанием производительной ассоциации из шести человек: эта ассоциация долго была центром социалистической пропаганды.

В 1869 году вышел аграрный манифест Беккера, изданный в Женеве. В нем излагалось ошибочное учение о неизбежном исчезновении мелкого земледелия.

В 1870 году произошел вышеописанный раскол в Романской Федерации, насчитывавшей в апреле этого года 52 секции.

Главный Совет стал на сторону ремесленников одиночек, предполагая, как это видно из памфлета Лафарга и Энгельса, что так называ-

емые фабричные рабочие Швейцарии, т. е. однопочти ремесленники, — были фабричными рабочими в английском, например, смысле слова. Впрочем, симпатии Главного Совета, вернее его вожаков, обуславливались только тем, признавались или нет членами Интернационала их авторитет, встречало или нет противодействие их стремление к власти.

В 1870 году *Le Progress* перестал выходить, но Гилльом принял на себя редакцию газеты *La Solidarite* и подписчики *Le Progress* стали получать эту газету. Члены Интернационала в немецкой Швейцарии стали на сторону участия в политической деятельности.

L'Egalite попала в руки Утина и он продолжал в ней свою нелепую и клеветническую деятельность.

В октябре 1870 года в С. Имье состоялся конгресс 12 секций "коллективистов", занятый вопросом об издании *La Solidarite* и текущими делами. На этом конгрессе членами Невшатльской секции было предложено назвать федерацию "коллективистов" Юрской Федерацией, но это предложение было в то время отклонено.

Даже Э. Бернштейн, говоря о недоразумениях между членами Интернационала в Швейцарии, указывает, что "Генеральный (главный) Совет и оппортунисты оказались на одной стороне в борьбе с радикалами и доктринерами".

В 1871-м году в Женеве организовались секция пропаганды и социально-революционной деятельности.

12-го ноября 1871-го года на конгрессе в Сонвилле организовалась федерация, называвшаяся Юрской.

В 1871 году вышел первый выпуск Народного Альманаха за 1871-й год.

La Revolution Sociale не имела денег для дальнейшего выхода — а Юрская Федерация соглашалась тратить на нее деньги только в том случае, если бы издание редактировал Юрский федеральный комитет, чего до сих пор не было. Газета перестала выходить. С 15-го же февраля 1872 года федерация стала издавать литографированный "Бюллетень Юрской Федерации". Бюллетень, сделавшись потом печатным органом, существовал 6 лет.

27—28-го апреля 1873-го года состоялся конгресс Юрской Федерации в Новшателе и было между прочим, предположено организовать вместо Главного Совета, три комиссии в трех разных федерациях: — "Комиссию корреспонденции, статистики и кассе взаимопомощи во время стачек, болезни и безработицы."

1-го июня 1873-го года состоялся конгресс в Олтенне. Делегаты Юрской Федерации ушли с конгресса после того, как большинство конгресса, состоящее из делегатов немецкого языка, решили организовать централизованный рабочий союз под названием "Швейцарский Рабочий Союз".

В августе 1873-го года частное собрание разных секций Юры высказалось по разным вопросам. Между прочим, было указано, что группы рабочих должны организоваться на свободных федеративных началах, так как централизм — все равно в какой области — приводит к уничтожению свободы и к деспотизму. В случае стачек решено помогать и тем рабочим, которые приняли абсолютно авторитарную и централистическую программу. Было указано, что пролетариат выдвинул два главных принципа: в политике принцип автономии индивидуумов, их групп и свободных федераций; в экономике — принцип коллективной собственности орудий труда и вообще капитала. Было решено, что у членов Интернационала "не должно быть ничего общего с буржуазной национальной политикой, так как к каким бы результатам не привела эта политика, она есть не что иное, как укрепление буржуазного строя, и — следовательно, препятствием к освобождению пролетариата... Эти соображения — читаем мы — побуждают нас (членов Интернационала) предложить секциям Бернской Юры следующую политическую тактику: 1) полный разрыв со всеми политическими партиями без исключения, 2) безусловное осуждение всяких сделок с какой бы то ни было политической буржуазной организацией".

Между прочим была вынесена и следующая резолюция: — "секции бернской Юры не признают иной политики, кроме революционной и международной политики, имеющей целью уничтожение государств и установление свободных

коммун и их свободных федераций“...

В августе 1873-го года в Юрской Федерации насчитывалось 14 Швейцарских секций, одна секция в Альзасе и несколько во Франции.

В декабре 1873-го года вышел четвертый том Народного Альманаха за 1874 год.

В этом томе была помещена, между прочим, написанная Карлом Коллером песня юрских рабочих "Право Рабочего" с припевом: —

"Рабочий люд, возьми машины!

Крестьянство землю захвати!

Музыка для этих стихов написана Гилльомом.

Юрская Федерация работала по прежнему, развив в конце 1874-го года энергичную деятельность. На ее конгрессе в Шо де Фон делегаты рассматривали, между прочим вопрос о промышленных кризисах.

Был издан Народный Альманах за 1875 г. 31-го июля 1875 года 12 секций Юрской Федерации собрались на конгрессе в Вене. На этом конгрессе было указано, между прочим, что общественные службы явятся простой отраслью работ будущего общества. Конгресс высказался, как против централизованного, так и против федералистического государства.

Собравшийся после этого конгресса митинг вынес следующую резолюцию: "Для того, чтобы установить равенство между людьми, каждый рабочий должен получить в свое владение орудия труда, находящиеся в коллективной собственности. Пока что митинг советует работать, добиваясь установления коллективной собственности, над созданием, — вне всякого союза с какими бы то ни было политическими партиями, — касс для помощи забастовщикам, больным и безработным, во всех отделах ремесла и над созданием федераций таких касс без отношения к границам и национальностям“.

В октябре 1875 года Бюллетень Юрской Федерации следующим образом высказался по вопросу о революции и о парламенте, как о месте для пропаганды: —"Мы не думаем, однако, как говорят про нас не согласные с нами люди, что революции делаются! мы знаем, что их надо подготовить и что надо, чтобы народ был расположен понять и принять их“.

О выборах социалистических депутатов в

законодательное собрание мы читаем: —"если бы мы думали, что присутствие социалиста в Законодательном Совете будет каким либо образом полезно для пропаганды, мы не поколебались бы направить все наши усилия к тому, чтобы выбрать нескольких рабочих депутатов“. Но этот способ пропаганды невозможен, вернее, он будет воображаемым, недействительным по крайней мере в Швейцарии. "Пропаганда ведется бесконечно более успешным образом посредством печати, конференций, брошюр, народных собраний, конгрессов, собраний разных обществ и т. д., и мы желаем и впредь посвящать этому роду пропаганды все наши усилия“.

Во второй половине 1877-го года в Юрской Федерации насчитывалась 31 секция, в числе которых были две немецких и три итальянских. Конечно в Швейцарии, как и в других странах шла пропаганда, настаивавшая на том, что рабочие должны участвовать в парламентской деятельности и эта пропаганда сбивала рабочих с верного пути во всей Швейцарии. Но во всей же Швейцарии прокладывали себе дорогу идеи Первого Интернационала и в наше время, как в немецкой, так и во французской Швейцарии заметно движение, известное под именем романского синдикализма; заметна и серьезная анархическая пропаганда.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ В ИТАЛИИ.

Первая секция Интернационала была основана в Италии в Неаполе М. А. Бакуниным, затем была распущена полицией в августе 1871 года и восстановлена Кафиеро, Малатеста и др.

К Итальянскому Интернационалу примкнула федерация *Fasci operai*.

4-го августа 1872 года собралась Итальянская конференция Интернационала в Римини и мы привели в своем месте ее резолюцию.

В памфлете, написанном Энтельсом и Лафаргом (а в его заключении и Марксом), итальянские члены Интернационала получили оценку, не соответствующую действительности. Дело в том, что итальянская федерация придерживалась взглядов М. А. Бакунина.

В 1873 году (в ноябре) А. Коста писал:

— "для итальянского пролетария солидарность состоит как раз в общих страданиях, надеждах, неудачах, победах, в гармонии и добровольном подъеме всех живых сил социальной революции, а не в более или менее механических объединениях элементов производства".

В 1874 году в Италии происходили многочисленные аресты членов Интернационала, забирались его газеты, но, несмотря на это, здесь постоянно возникали новые секции Интернационала.

В 1874 году, в тайной типографии, начал издаваться "Бюллетень итальянского комитета социальной революции". Этот комитет был исполнительным комитетом тайного общества. Все чаще и резче раздавались в Италии призывы к торжественной борьбе возстания и баррикад. Весной этого года вспыхнули народные волнения, сопровождавшиеся разгромом магазинов и расхищением жизненных продуктов. Итальянский Интернационал не мог идти против народа и обрел себя солидарным с его выступлением.

Во второй половине 1874 года Итальянская федерация почему то решила, что "эпоха конгрессов окончилась" и отказалась послать делегатов на ближайший конгресс Интернационала.

В августе 1874 года произошли неудачные попытки возстания в Болонье и Пульи.

В конце 1874 года и в начале 1875-го в Италии происходили многочисленные аресты и ссылки членов Интернационала и разгромы помещений рабочих обществ. Стала возможной только тайная пропаганда. В июне 1876 года были оправданы подсудимые по делу Болонского движения и с этого момента снова началась открытая деятельность Интернационала. Правительство в свою очередь продолжало бросать в тюрьмы членов Международного Товарищества.

16-го июля собрался местный конгресс 24 секций Романьи и Эмили и постановил издать биографию М. А. Бакунина. 23-го июля был конгресс 13 тосканских секций во Флоренции; кроме того были уже организованы, а частью организовались, 6 новых федераций.

В 1876 году итальянская федерация Интернационала высказалась на своем Флорентинском общем конгрессе за анархический комму-

низм. Кафиеро и Малатеста писали в "Бюллетене" от 3-го декабря 1876 года: — "Итальянская федерация рассматривает коллективную собственность на продукты труда, как необходимое дополнение коллективистической программы; содействие всех для удовлетворения потребности каждого является единственным правилом производства и потребления, соответствующим принципу солидарности". (По М. Неттлау).

20 октября собрался 3-й конгресс Итальянской Федерации, начав свои заседания в горной деревушке, продолжая их в одном и окончив в другом лесу. Угроза ареста висела над делегатами этого конгресса и часть их была арестована до начала тайных заседаний.

В конце 1876 года громадное большинство итальянских социалистов сгруппировались вокруг анархической, коллективистической и революционной программы Итальянской Федерации Международного Товарищества Рабочих.

Была сделана небольшая (неудачная, благодаря измене) попытка поднять восстание в Беневенте. В конце 1877 года присяжные оправдали инсургентов.

В наше время в Италии в сильном анархическом движении в романском синдикализме ярко проявлялось заметное влияние идей Первого Интернационала, идей М. А. Бакунина.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ В БЕЛЬГИИ.

Несмотря на правительственные преследования, Бельгийский Интернационал был силен уже в 1869 году, насчитывая 64.000 членов.

В апреле 1869 года бельгийское правительство ударами штыков "успокоило" мирно бастовавших рабочих. Член бельгийского федеративного совета Евгений Гинс и несколько членов Интернационала были арестованы преступным правительством.

Тяжело больная жена Гинса напрасно просила свидания с ним, хотя через 4 недели Гинс и другие арестованные были освобождены, так как в их поведении не было найдено и намека на преступные деяния. Гинс успел принять последний вздох своей жены. Она умерла со словами: — "Полиция убила меня".

Рабочие устроили ей грандиозные похороны.

Во время франко-немецкой войны по указанию федерального совета были устроены демонстрации против войны в Льеже, Вербье и Боринаже.

Перед Гаагским собранием федеральный бельгийский совет пересмотрел устав Международного Товарищества Рабочих и предложил упразднить Главный Совет, ненужный даже, как бюро корреспонденции и статистики: — федерации могут непосредственно сноситься друг с другом, а статистикой Главный Совет никогда не занимался. Этот Совет был признан даже опасным, так как он претендовал на власть управления, опираясь на возможность временно исключать секции из Интернационала.

В Бельгии нередко собирались местные комитеты.

На конгрессе в мае 1869 года Герман, поддержанный и другими ораторами, высказался против коопераций, не желая создавать новых хозяев. Он высказался за производительную ассоциацию, основанную рабочими союзами.

Укажем, что конгресс Бельгийской Федерации в Вербье (14 апреля 1874 года) обсуждал вопрос о всеобщей забастовке, рассматривая ее, как средство экспроприировать капиталистический класс общества. Флинт предлагал отказать от частичных стачек, которые, при наличии громадных жертв, дают так мало и советовал посвятить все усилия подготовке всеобщей забастовки. Его поддерживал Стандерт из Брюсселя, говоря о том, что неудачные частичные стачки обезкураживают и уничтожают рабочие организации *)

На конгрессе Бельгийской Федерации 15—16 августа 1873 года в Антверпене делегаты высказались за организацию всеобщей забастовки.

В бельгийской армии существовала тайная группа Интернационала.

Для 1873 года бельгийская Федерация вы-

полняла в лице своего Федерального Совета роль Федерального Бюро Интернационала.

Издававшаяся в Бельгии газета "Интернационал" являлась выразительницей левого течения в Международном Товариществе Рабочих и вполне определенно, резко высказывалась по разным вопросам. Так, например, в № от 25 апреля 1869 года мы читаем: — "под каким бы политическим режимом мы ни жили — монархическим или республиканским, — деспотом по преимуществу является капитал или, выражаясь точнее, капиталистический класс, буржуазия. Все наши правители, — каковы бы они ни были, — императоры, конституционные короли, президенты республик — имеют власть не сами по себе, как имели некогда, но получили власть от привилегированного класса, представителями которого они состоят, от капитала, воплощением которого они являются".

После убийств бастующих рабочих в Серенге, мы читаем в этом же журнале следующее рассуждение об армии: — "солдат и жандарм, — раз они одеты в форму и спущены со своры, становятся хищными зверями; следовательно, какова бы ни была степень цивилизации страны, ее свобода будет находиться в опасности до тех пор, пока в ней будет существовать армия. Нет интеллигентных штыков. Еще менее надо рассчитывать на интеллигентность офицеров. Эти несчастные, отупев от праздности и пороков, которые создаются ею, неспособны к какому либо честному чувству. С того дня, как мы распустим армию, придется подвергнуть этих господ долговому гигиеническому и моральному лечению, прежде чем можно будет сделать из них рабочих".

В Бельгии — в стране, до нашего времени не знавшей всеобщего избирательного права, политиканам удалось бросить рабочих на путь парламентской политики. Правда, и здесь рабочие организуют иной раз революционные синдикаты, но все же победа осталась в этой стране за парламентским направлением. И нет в Европе страны, где положение рабочего класса было бы так плохо, как в Бельгии, где нищета была бы так сильна, где так морочились бы ра-

*) В настоящее время частичные забастовки многими считаются предшественницами всеобщ. забастовки.

бочие. Но вожди-политиканы добыли кое-что для себя.

В недавнее время социал-демократы Ван-

дервельд и Гюнсман в звании министров католического короля Альберта, являлись правителями, правда, разгромленной Бельгии.

(Окончание в следующем номере).

ОБ АНАРХИЗМЕ, КРИТИЦИЗМЕ И СКЕПТИЦИЗМЕ А ТАКЖЕ О ФИЛОСОФИИ И БИБЛИОФИЛЬСТВЕ.

(ОТВЕТ "КРИТИКАМ").

Истинными революционерами были всегда, во все времена и во всех странах, люди, ум которых был достаточно широк, чтобы понимать самые противоположные формулы, извлекать из каждой ту долю истины, какую она содержит, и пытаться примирить их в высшем сочетании.

Революционер — противоположность сектанта. Революционер-сектанта — лишь лже-революционер.

Этикетка — ничто: искренность человека — вот все.

Революционер — не тот, кто считает себя обладателем истины, но тот, кто знает, что истина находится везде, и что его долг — отыскивать ее везде, где она есть.

Требовать от человека достаточной терпимости, чтобы равно признавать и считаться со всеми искренними построениями, стремясь извлечь из них глубокие элементы подлинной истины, — значит, несомненно, требовать от него гораздо большего усилия, чем то, какое надобно, чтобы записаться членом и делать взносы в организацию, слушать ораторов, оскорблять противника, нацешлять на себя тот или иной ярлык или ругать начальство.

Жерар де Ланказ-Дютье.

Мы находим, что время для попыток теоретически синтезировать (обоб-

щить) результаты совершенной анархистами различных направлений аналитической идейной работы вполне назрело.

"А. В.", № 1, стр. 85.

Моя первая статья "О синтезе" ("Анар. Вестн." № 3—4) встретила ряд возражений...

Впрочем, начал еще раньше свою "критику" из Москвы В. Худолей, разнесший в № 48 "Волины" (статья "О наших разногласиях", Письма из Москвы) и "единый анархизм", и анархо-синдикализм, и "советский анархизм", и анархо-индивидуализм, и декларацию "Набат", и вольные советы, и журнал "Анарх. Вестник", и, вообще, все, что ему попало под руку (за исключением, конечно, "анархо-коммунизма"). К сожалению, я лишен удовольствия отвечать В. Худолею. Ибо отвечать ему в тех же формах, в каких он "разносит", — я нахожу недопустимым; отвечать же в других формах — не на что, так как кроме этих "форм" в статье его, собственно, ничего нет. К тому же, статья написана им "вообще", до появления моей и не по ее поводу. Поэтому, я оставляю ее в стороне и если буду когда-либо упоминать о ней, то в другом месте и в другой связи.

Сейчас я имею в виду три статьи: "Критицизм и истина", за подписью М. Р-н, в № 123 "Амер. Изв."; статью в разделе "Библиография", за подписью Библиофил, в № 52 "Волины"; и статью "Анархизм и скептицизм", за подписью Дельта, там же.

Остановлюсь, главным образом, на последней, как на наиболее "солидной".

* * *

Если т. Дельта искренен, то мне, прежде всего, очень жаль, что он так нехорошо меня понял.

Говоря о моей статье, он пишет: "...поскольку в этой статье подвергаются своеобразной критике не только анархические принципы и идеалы, но и важнейшие вопросы философии (этики и гносеологии), постольку мы и считаем необходимым подвергнуть некоторому анализу основные положения этой статьи". — С своей стороны, Библиофил говорит: "Эта статья заслуживает более подробного критического разбора, т. к. она является философским обоснованием объединенного анархизма"... Далее, оба они, с трогательным единодушием, обвиняют меня в умышленном приписывании себе, как чего-то нового, старых-старых учений: "Не следует только, — поучительно замечает Библиофил, — излагая то или иное учение, вводить в заблуждение некоторых читателей, говоря им, что это есть научное и философское обоснование анархизма"... "Товарищам, не искушенным в философии, эта статья и в самом деле может показаться оригинальной и интересной, а тем более потому, что автор этой статьи преподносит читателю самые разнообразные мысли, как нечто самостоятельное. В самом же деле, эта статья является слабым изложением учения Гераклита Эфесского о вечной текучести Бытия, а также изложением учений софистов, скептиков и пробабиллистов"... "На той же точке зрения, — вторит ему Дельта, — стоял и Гераклит Эфесский, мысли которого, (не упоминая об этом), так вдохновенно излагает наш уважаемый автор". — И оба они упрекают меня, ввиду всего этого, не только в дешевом демагогическом подлоге и обмане, но еще и в грубом невежестве: "Не похож ли после этого, — пишет Дельта, — автор статьи на того человека, который "строит свой дом на песке". Если автор зашел в этот заколдованный круг только по своей философской необразованности, тогда, быть-может, он и сумеет выбраться когда-нибудь из этого проклятого места". — "Нельзя же, в самом деле, — вторит ему Библиофил, — писать статьи на философские темы, не обладая необходимым для этого знанием. Для этого

недостаточно знать только такие философские термины, как "вещь в себе", "абстрактный", "эмпирический", "телеологический", "метафизический", а необходимо нечто большее". — "Очень смешно становится, конечно, — пишет еще Дельта, — в то время, когда человек, достаточно серьезный (*homo sapiens*), пишет серьезную статью, строит некоторую "систему" и говорит нам, что "в настоящее время" "по многим соображениям" невозможно узнать ни того, ни другого. Нельзя в таком случае, — сказали бы мы, — браться за перо и играть так легкомысленно всевозможными словами и понятиями, расставляя их в определенном грамматическом порядке".

Мне остается только удивляться, что почтенные "критики" так много занимаются моей ничтожной особой!

И действительно, я должен категорически заявить, что оба критика делают мне слишком много чести. Они словно не хотят понять меня правильно и просто. Отсюда — весь тот большой огород, который они (в особенности, тов. Дельта) совершенно напрасно городят, придавая моей статье значение, о котором я отдаленно не помышлял. Я должен, таким образом, прежде всего отвести в сторону всякую попытку приписать мне претензии и амбиции, которых у меня не было.

Обратившись непосредственно к моей статье, всякий сам легко увидит: 1) что я нигде не "подвергаю критике анархические принципы и идеалы" (!!); 2) что я нигде не подвергаю критике и даже отдаленно не касаюсь вопросов этики. — Эти два утверждения Дельты — явная и полная неправда.

Многоходом отмечу: 3) что я решительно нигде не претендую на изложение какого-либо "учения"; 4) что я нигде не "говорю читателю, что это учение есть учение новое", и что "это есть научное и философское обоснование анархизма" (где только автор выкопал все это? или он рассчитывает на читателей, не знакомых с моей статьей?); 5) что я нигде не претендую на "построение некоторой системы". — Приписывать мне все эти вещи и попопозновения — значит наговаривать на меня, как на мертвого,

и демагогически "обрабатывать" против меня читателей, не читавших или недостаточно вдумчиво читавших мою статью. Прибавлю, что оба "критика" говорят неправду же, утверждая, будто я "преподношу читателю самые разнообразные мысли, как нечто самостоятельное", и ядовито замечая, будто я излагаю мысли Гераклита, "не упоминая об этом": приводя в одном месте формулу Декарта, я прямо упоминаю его; имени Гераклита я не упомянул совершенно естественно потому, что его формула, достаточно известная, приведена мною прямо **по-гречески**, что совершенно ясно показывает, что формула принадлежит не мне (подобно тому, как достаточно написать в кавычках, — как я это и делаю, — "вещь в себе", чтобы каждому было ясно, что речь идет о Канте, и чтобы не было никакой надобности в ссылке на имя). Мне странно сейчас писать все эти совершенно ясные и простые вещи. Но дело в том, что мои "критики" все время рассчитывают на неразбирающегося (именно на "неискусленного") или же на не читавшего моей статьи читателя. И весь этот прием представляется, поэтому, лишь самым беззащитным извращением. Вообще же, я привожу некоторые философские положения (Декарта, Гераклита и пр.) лишь в качестве подкрепляющих иллюстраций к моим доводам, а отнюдь не в качестве изложения, яко-бы от своего лица, чьих-либо систем или учений.

Относительно моей "философской необразованности" спорить здесь неуместно. Отмечу лишь, что терминов "абстрактный", "эмпирический", "телеологический", "метафизический" (которые Библиофил приписывает мне, ядовито замечая, что для моей цели "необходимо нечто большее", чем эти термины, и, таким образом, обвиняя меня перед "неискусленным" читателем в том, что я бросаюсь рядом философских терминов, пуская лишь пыль в глаза, а на самом деле не обладая философскими знаниями), — этих терминов в моей статье вовсе нет. Таким образом, и этот выпад — демагогическая передержка.

Обратившись непосредственно к моей статье, читатель легко увидит, что моя задача — гораздо скромнее, проще и конкретнее, чем мне хотят навязать (или, вернее, чем хотят навязать

читателю) мои критики. Я не строю и не обосновываю философии никакой новой системы анархизма. Я исхожу из того **конкретного** положения, что мы, анархисты, перегнув палку в сторону **анализа**, раздробили наше учение на несколько черепков и совершенно забыли о необходимости также и обобщения (**синтезирования**), о необходимости стремиться к известной цельности анархического мировоззрения. Я говорю о том, что каждый из нас привык упираться в одну маленькую, облобованную им, мышилку, принимая ее за единственную и непоколебимую истину, а все другие мысли и построения — за вредную и враждебную ересь, совершенно забывая о том, что подлинная истина нам не известна, и что мы должны строить ее из отдельных, находимых нами частиц, преодолевая при этом многочисленные препятствия. Моя статья носит **методологический** характер. Обратит внимание товарищей на необходимость, кроме аналитического, также и **синтетического метода**, напомнить о синтезе — такова задача моей первой статьи.

Если я в начале упоминаю об истине вообще, — в философском смысле, — то лишь для того, чтобы подчеркнуть и лучше иллюстрировать отсутствие знаемой нами **объективной истины**. Если я заглядываю (очень ненадолго) в сферу философии, то лишь для того, чтобы лучше оттенить все, возникающие перед нами в поисках истины, препятствия. Моя небольшая экскурсия в область философии — таким образом, лишь иллюстрация, а отнюдь не (как это ложно утверждает мой критик) попытка какого-то широкого обоснования. В самом же начале статьи я покидаю область философии (совершенно не нужную мне в дальнейшем для моей цели) и перехожу к **чисто-конкретной области**: "Принимая за данное, — пишу я, — для нас реальное, всем нам общее и имеющее для нас **конкретное значение**, — наши восприятия и, в особенности, наши знания о мире и жизни; принимая за данное ту, для нас конкретную, обстановку, в которой все мы живем, работаем и действуем, — мы мыслим и ищем на почве и в пределах этой (представляющейся нам, субъективной, условной) конкретности. — В пределах этой конкретности — также возникает вопрос об истине. А главное,

разгадывание самой этой, доступной нашему восприятию и знанию, конкретности, равно как постепенное расширение нами ее познаваемых границ — представляется для нас уже задачами крупного значения. Но и в этом случае — на пути искания и установления нами истины стоят два дальнейших — конкретных же — препятствия. И далее, остановившись на этих двух конкретных препятствиях и кратко резюмировав сказанное, я занимаюсь уже исключительно конкретной, а не философской областью; и все, что я, далее, говорю об анализе, о синтезе, о движении, об истине и пр., — все это относится к сфере чисто-конкретных задач и не имеет ничего общего с областью философии и философских обоснований.

Совершенно неверно, будто я трагически вопрошаю — что есть истина? — Совершенно неверно, будто я печально жалею о текучести бытия. — Совершенно неверно, будто я ржусь к тому софиста и скептика... Все это — нехорошие выпады, рассчитанные на неумеющего разобратся читателя.

И чтобы покончить с этим вопросом, я должен сказать, что нетрудно, конечно, навязать автору несуществующие претензии и замыслы, а затем с видом победителя доказать, что он их не выполнил и лишь обнаружил свое невежество. Это несравненно легче, чем возражать серьезно и по существу.

Из сказанного следует, что весь тот учений-арсенал, вся та тяжелая артиллерия философии, при помощи которых критик хочет стереть меня с лица земли, — философия Гераклита, элеатская школа, Аркисей, мировая гармония Лейбница, космогония индусов, Платон, субетанция, Космический Логос, проблемы гносеологии, агностицизм, трансцендентные начала, эволюция и инволюция, рационализм, спиритуализм, сенсуализм, феноменализм, Бергсон, криптизм, материализм, сохранение энергии, энтропия, Гегель, Фихте (и чего еще не наметал почтенный критик), — все это бьет, увы, совершенно мимо цели, ибо не имеет решительно никакого отношения к моему замыслу и к положениям моей статьи.

* * *

Я должен, далее, заметить, что проштудировать "Историю философии" Виндельбанда и хвататься ученых слов (как-раз то, в чем облыжно Библиофил упрекнул меня) — далеко еще не значит быть философски образованным человеком. Для того, чтобы философски мыслить, — необходимо нечто большее. Иначе нетрудно, заблудившись в дремучем лесу учений-философских терминов и систем, запутаться в самых простых вещах. Это именно и случилось с моим почтенным критиком.

Несколько примеров.

Отнюдь не надо быть особенно "искушенным" в философии, чтобы знать, что слово синтез употребляется в различных смыслах, и понять, в каком именно смысле я его употребляю. Во-первых, слово "синтез" употребляется в химии, является химическим термином (химический синтез), означающим соединение простых или сложных тел в новое более сложное тело. Так, вода есть химический синтез кислорода и водорода.. (В № 48 "Волны" некие почтенные критики уже спутывали понятие синтеза в употребляемом мною смысле с понятием синтеза химического на примере именно воды). Во-вторых, слово "синтез" служит логическим (или, если угодно, диалектическим) термином, обозначающим среднее между двумя противоположными понятиями — "тезис" и "антитезис". В-третьих, наконец, слово "синтез" употребляется в смысле сочетания, гармонии, обобщения. В этом последнем смысле понятие синтеза нередко противопоставляется понятию анализа. В этом именно смысле часто говорят о необходимости синтезировать (обобщать) результаты аналитических исследований. В этом именно смысле говорят, напр., о синтезе свободы и солидарности (М. Бакунин), о синтезе философии и науки (П. Кропоткин, "Современная наука и анархизм") и т. п. (Анализируя понятия свободы и солидарности, или понятия философии и науки, можно было бы, наоборот, не синтезировать, а противопоставлять друг другу эти понятия, — так же, напр., как у нас принято не синтезировать, а противопоставлять друг другу коммунизм, индивидуализм, синдикализм). Вообще, в этом последнем смысле

ле слово "синтез" употребляется очень часто, в самых различных областях. Для всякого читателя ясно, что я употребляю слово "синтез" именно в этом последнем смысле: **обобщения, гармонического сочетания** разрозненных явлений и понятий. Между тем, Дельта не понимает этого. Мало того, он не хочет видеть различных значений слова "синтез" и, поэтому, путается, то требуя от меня обозначения моего "тезиса" и "антитезиса" (т. е. хватаясь за **логическое** значение слова "синтез"), то упрекая меня (совершенно неосновательно) в том, что я забываю об "анализе" (т. е. хватаясь за совершенно другое значение слова "синтез"). Для ученого философа — такое смешение понятий и терминов, такое неумение понять то простое и ясное значение, в каком я употребляю слово "синтез", — непростительно.

Еще пример.

Почтенному критику почему-то думается, что констатировать истину значит оправдать ее. Он, повидимому, недостаточно выник в сущность философии Гегеля и всей той борьбы, которая развернулась впоследствии вокруг гегельянства и, в частности, заняло такое большое место в духовном развитии Белинского, Бакуннина, и других. Свое оправдание всего существующего гегельянцы выводили вовсе не из положения — "истина есть великое существующее Все", а из положения об абсолютной и фатальной разумности всего существующего. Это — отнюдь не одно и то же. Констатировав "великое Все", я могу признать его как-раз **неразумным**. Возможность преодоления этого неразумия, возможность вмешательства моей воли и моего творчества я могу констатировать и учесть, как составные элементы, как действительные факторы той же целостной истины, признав разумной лишь ту истину, то "Все", которые создадутся при непосредственном участии моей воли и моего творчества, и, таким образом, распростившись с Гегелем, как распростившись с ним Белинский и Бакунин. И разве этому сколько-нибудь мешает мое стремление познать и охватить по возможности всю истину — существующее великое Все — хотя бы именно для того, чтобы тем легче и вернее сделать его более разумным? Гегель смешал

проблему научного исследования с проблемой нравственного постулата, проблему познания сущего с проблемой должного. Мой критик, навязывая мне гегелевское оправдание, тоже смешивает эти две проблемы. Но зачем же он непременно хочет, чтобы и я смешал их?..

Еще два слова. Нравственный абсолют Фихте, искание **абсолюта вообще**, — вся эта проблема не имеет решительно никакого отношения к затронутой мною теме. Думаю, что это теперь ясно для всякого.

* * *

Есть в статье Дельты (и в статье М. Р.—и "Критицизм и истина") правильная мысль: что мы можем и должны активно участвовать в построении истины; что истину надо **создавать, творить**. Но разве я где-нибудь говорю обратное? Я был бы, разумеется, глубоко неправ, если бы утверждал, что истину следует **только** искать. Однако, такой же ошибкой я считаю утверждение, будто истину надо "не искать, а (только) творить". Да позволят мне мои суровые критики вспомнить и здесь о синтезе, оперировать и здесь синтетическим методом: истину надо **и** **искать, и творить**, — частью искать, частью создавать: в одних случаях, в одном смысле — искать (исследовать), в другом — создавать... В том смысле, в каком я рассуждаю об истине в первой статье о синтезе, я, естественно, говорю именно об ее искании...

Однако, мои критики забегают здесь несколько вперед. Об элементе творчества в истине будет речь в одной из следующих статей.

* * *

Упомянув лишь несколько о социологической области (главной области моих размышлений), Дельта небрежно замечает, что здесь "автор преподносит нам типичнейший эклектизм, о котором не стоит и разговаривать".

Мне думается, Дельта (как и некоторые другие товарищи) слишком легко отмахивается от вопроса, при помощи этого удобного ярлычка: "эклектизм"... Едва ли это правильно. Под эклектизмом разумеется попытка искусственно, формально связать во-едино разнородные по существу элементы. Я же имею в виду, наоборот, необходимое органическое слияние искусствен-

но разорванных частей и восстановление однородного, на мой взгляд, целого. Именно поэтому я говорю о необходимости синтеза. Эклектизм и стремление к синтезу — не одно и то же. Дальнейшее покажет, прав ли я.

* * *

Все, что я выше высказал, написано мною в том предположении, что т. Дельта в своих писаниях — искренен. К сожалению, я должен констатировать, что сильно сомневаюсь в его искренности. Подписывание статей, направленных против меня, неизвестными псевдонимами, дает мне право строить всякие предположения о подлинном авторстве этих статей. И вот, я имею веские основания думать, что **Антильские острова**, помеченные под статьей Дельты в № 52 "Волины", находятся, при всей их отдаленности, в непосредственной связи с Москвой. Если это первое предположение верно, то я имею еще более веские данные, чтобы считать, далее, что эти острова находятся в непосредственной близости к Дому Советов, где проживает почтеннейший славослов Ленина — А. А. Карелин, играющий сейчас, вместе с некоторыми другими, столь печальную, даже трагическую роль в судьбах русского анархизма, давая большевикам возможность пользоваться этими людьми — и в России, и за-границей — в качестве удобной ширмы для шельмования и преследования анархистов, оставшихся верными своей идее. Если же и это мое предположение соответствует действительности, то я уже определенно убеждаюсь, что дело здесь — отнюдь не в анархизме, критицизме или скептицизме, не в философии и не в библиофильстве, а совсем в ином: что подлинная цель "критических" статей В. Худолея, Дельты, Библиофила — не понять и не критиковать меня, а по возможности **опорочить и дискредитировать** в глазах несведомленных товарищей и читателей как меня, так и других анархистов.

Очень жаль, конечно, что некоторые искренние товарищи в Америке, — по неведению ли или же по другим причинам, — попадают на эту удочку.

Будем надеяться, что они скоро поймут свою ошибку.

Волин.

ОТ РЕД. КОЛЛЕГИИ. Печатаю статью Волина, Ред. Коллегия, во избежание всевозможных недоразумений, считает необходимым сказать несколько слов по поводу ее заключительной части.

Мы очень сожалеем, прежде всего, что Волин сомневается в искренности Дельты и других товарищей. Подобное отношение к товарищам является, в сущности, той благодатной почвой, на которой могут создаваться самые разнообразные предположения и относительно политический честности этих товарищей. Нельзя, с нашей точки зрения, не зная совершенно человека, строить о нем разные предположения и обвинять его в чем то.

Статья Дельты печаталась совсем не для того, чтобы "стереть с лица земли" Волина или же "опорочить и дискредитировать" его имя; она была напечатана на том же основании, на каком печатаются и все статьи вообще, а в частности, и статьи самого Волина.

Ред. Коллегия берет на себя смелость заявить Волину, что ничего порочащего и дискредитирующего его имя в статье Дельты нет. Не надо быть и очень грамотным для того, чтобы увидеть, что в статье Дельты нет никакой личной подкладки. В противном случае, эта статья и не могла бы появиться на страницах журнала. Наряду с этим, Ред. Коллегия полагает, что безгрешного человека ничем опорочить нельзя. И если Волин принадлежит к числу этих безгрешных людей, ему бояться этого не следует.

И если Волин думает, что его кто то порочит, кто то "стирает с лица земли", мы заявляем в данном случае, что его порочат и дискредитируют его же собственные предположения и убеждения. Не зная положения вещей, он строит всевозможные беспочвенные вымыслы, думая почему то, что известный нам товарищ скрывается под псевдонимом только в том случае, когда он пишет против Волина. Это совсем не верно. Если Волин читает наш журнал, он очевидно видел, что Дельта писал и значительно раньше, и что его статьи не имели ровно никакого отношения к Волину.

Когда же Волин строит "всякие предположения о подлинном авторстве этих статей" и заяв-

влияет почему то, что у него есть "веские основания думать", что статья была написана не на Антильских островах, а в Москве, в Доме Советов, известным "славословом Ленина", мы заявляем в данном случае, что эти предположения совсем не соответствуют действительности. Это—либо сознательный вымысел Волина, вымысел совсем не честный, либо его непосредственное желание ввести в заблуждение некоторых товарищей. Это — какое то ужасное мистифицирование Ред. Коллегии. Ред. Коллегия получает статью от известного ей товарища, не имеющего никакого отношения к Москве, получает ее с Антильских островов, а Волин убеждает ее, что это не верно, что это какой то подлог. Разве допустимы в наших рядах подобные интриги?

И если кого либо можно обвинять в личных нападках и оскорблениях, так это только Волина. Заключение его статьи подтверждает это мнение. Подобные заключения не должны, в сущности, появляться в печати, но, во избежание

разных недоразумений, мы печатаем статью Волина целиком, питая себя надеждой, что это заключение не оскорбит, быть может, Дельту. Ред. Коллегия не может также, к сожалению, сообщить настоящую фамилию Дельты, раз она не имеет на это согласия этого товарища.

Наряду с этим мы склонны думать, что это заключение, совсем не относящееся к существу вопроса, Волин написал еще быть может и для того, чтобы воспользоваться случаем и бросить еще один камень в некоторых московских анархистов. Иначе и нельзя объяснить его происхождения.

Мы полагаем, что статьи, подобные заключению статьи Волина, вносят деморализацию и дезорганизацию в наши ряды. И заявляем поэтому, что впредь подобные "произведения", откуда бы они ни присылались, будут возвращаться авторам без всякого сопроводительного письма от Ред. Коллегии.

ЗАПИСИ ТЮРЕМНЫЕ.

Марк Мрачный.

(Продолжение).

Внутренняя Тюрьма
Особого Отдела В. Ч. К.
Первое января 1921 г.

Сегодня утром на нашем коридоре произошло что то необычайное. Кто-то начал бить стекла, неистово стучать в дверь с криком. Сбежались надзиратели. Мы прилипли к дверям, но нельзя было разобрать в чем дело. Давид, бледно улыбаясь, сказал: "Видишь ли, здесь мы все, ведь, тихо-поменьшанные в образцовом сумасшедшем доме. А вот сосед наш, который начал бузнить, видно выздоровел..."

Мы постучались в дверь, требуя объяснения у надзирателя. Но он хоть и был немного смущен, все-же ответил бесстрастно: "Ничего, товарищи".

Начальник тюрьмы, во время обхода, сказал нам, что какой-то заключенный сделал попытку

повеситься. Больше ничего не могли у него добиться.

Странный человек этот начальник тюрьмы! Тип исполнительного фельдфебеля бессердечного и размеренно-аккуратного. Держится вежливо и слегка на-стороне. Только глаза у него, как будто, стеклянные. Пьет, должно быть, сильно. Желая, видно, нам imponировать сказал как-то, что долгое время был на фронте против чехословаков. Как быстро и умело удалось советской власти, однако, обратить живых людей в безжалостно-исполнительных манекенов своей политики террора!

4 января.

Сегодня рано утром нас повели по городу в баню. Сопровождало нас обоих два вооруженных солдата и один надзиратель. На снежных улицах царил обычное оживление трудового со-

ветского утра. Плелись куда-то люди с портфелями под мышкой, с пустыми вещевыми мешками на спине или тащили за собой саночки. Проезжали на захудалых извозчиках тепо и, порой, даже с шиком одетые люди с неизменными портфелями под мышкой. Бледнолицая детвора фантастически одетая и обутая, а порой в невероятных тряпках, спешила бойко в школы.

Сколько может быть радости тихой в самых обычных человеческих движениях! Я стараюсь ходить как можно медленнее. Как густое животворное вино пью неспешно морозный воздух, шум будничной и все же прекрасной Москвы, крики школьников, скрип санок и бодрящих шагов по мерзлому снегу... В росписных валенках промелькнула сероглазая девушка и кому то улыбнулась в даль.

Мы, в жизни, обычно покрываемся настоящим густым слоем пыли будней, забот повседневных, злобы иссушающей и борьбы мелочной, что не умеем (да и некогда) смотреть на подругу нашу жизнь свежими пристально-любовными глазами. А, между тем, сколько непередаваемой прелести во всех этих улицах, которые тонут в тумане этого серого утра! Правда, я под усиленной охраной иду только пообичиститься от грязи и вшей, которые, в последнее время, особенно начали меня донимать. Правда, все вокруг, вся эта Р. С. Ф. С. Р. овшивелая и неумытая стонет под грозным штыком послушных рабов, а все-таки — да здравствует жизнь, которая смеет с пути тупых догматиков, по книжке насилующих жизнь и желающих строить ее "рассудку вопреки, наперекор стихиям"! Да здравствует живая жизнь, во имя которой мы боремся и которая когда-нибудь все-же настанет!

13 января.

Сегодня нас позвали на допрос: сперва Давида, а сейчас же вслед за ним — меня. Молоденький солдатик с ноганом в руках повел меня в обычный здесь порядок: я спереди, а он за мной. Поднялись на четвертый этаж, покрутились там по зигзагообразному корридолу, вышли на другую лестницу, снова долго крутились. По дороге встречались нам какие то военные, шмытали мальчики-курьеры, с панироской в зу-

бах мелькали барышни с глазами, слишком подведенными. Наконец дошли до комнаты № 84, где красовалась какая то фамилия и еще что то. Вошли. Большая канцелярия небурная и производящая впечатление бутафория (прочтем, все эта "рабоче-крестьянская власть, громкие слова и подлые дела, "пролетарии всех стран, соединяйтесь" на — правилах для заключенных, где "чтение газет, книг и брошюр, курение, игры, прогулки и так далее безусловно воспрещаются" — разве не кошмарная ли это бутафория Соллогубовского "мелкого беса"?).

У окна, за большим столом, заваленным бумагами, анкетами и газетами "Набат" сидел молодой юркий парень. Глаза жуликоватые, неспокойные, ощупывающие. Лицо испитое. Приветливо поклонился, даже встал навстречу мне. Сразу видно, что старается делать вид ловкого прощигательного следователя. Вместе с тем сообщает мне, что он **настоящий** рабочий. У меня легкая одышка от быстрой и непривычной ходьбы по лестницам. Меня злит его дерзкий пытливый взгляд и я напоминаю ему, что от всяких показаний отказываюсь. Чистяков (фамилия следователя) растерялся было, затеребил пальцами по массивному серебряному портсигару, а потом, видно, нашел выход из неловкого положения и предложил мне изложить письменно мотив моего отказа от дачи показаний. На это я согласился. Дело в том, что до сих пор арестованные анархисты, в большинстве случаев, давали показания "товарищам"-следователям и, даже, часто вступали с ними в дискуссии. Этому давно уже пора положить конец, а будучи в тюрьме, единственный способ это сделать — письменно обяснить свой отказ вступать с чекистами в беседу. Кроме того, мелькнула и другая мысль: меня могут здесь каждую минуту расстрелять, движение наше сильно разбито арестами и преследованиями, свободной печати нет, может быть, бумажка, которую я напишу, попадет когда-нибудь в руки беспристрастному историку и он поймет лучше, может быть, трагедию русской революции, удушенной руками "самой революционной" — "рабоче-крестьянской" власти.

Написал я, приблизительно, вот что:
"Повинуясь велениям моей внутренней пра-

вды, я делал свое революционное дело, вел культурно-революционную работу и, как член Секретариата Конфедерации Анархич. Организаций Украины "Набат", боролся, по мере сил, за полное и всестороннее освобождение трудящихся классов. За всю мою деятельность я отвечаю перед своей совестью, перед своей организацией и перед революционным беспартийно-массовым движением, которое наступит и для которого мы работаем. Людям, чуждым мне и, даже, враждебным моим идеалам я считаю для себя принципиально-неприемлемым отвечать. Да, впрочем, не мне нужно было бы ответ держать, не мне нужно было бы показания давать. Даже наоборот. Я обвиняю!

Я обвиняю Сов. Правительство в том, что его агенты преследуют и арестовывают членов анархической организации, которая стойко и беззавестно боролась за идеалы Социальной Революции против Петлюры, Скоропадского и т. п. Я обвиняю Сов. Правительство в том, что его сотрудниками учинен форменный погром над, единственным на Украине, анархическим книжным магазином. Я обвиняю, наконец, Сов. Правительство в том, что оно оторвало меня и моих товарищей от нужного и близкого дела и бросило в каменные мешки своих тюрем, наградив нас в придачу ложными и нелепыми обвинениями. Ибо разве можно иначе назвать чем нелепыми обвинения в подрыве экономической жизни страны со стороны людей, предлагающих капиталистам, "своим" и чужим, привилегии и богатые концессии, — конц. лагеря, тюрьмы и "стенку" революционным рабочим и крестьянам, нам анархистам, стремящимся строить жизнь, при помощи производственных организаций, на новых, более справедливых и более хозяйственных началах. Еще более вздорным и нелепым покажется каждому здравомыслящему человеку, хоть немного знакомому с нашей прессой (как она ни бедна, опять таки по вашей же вине) обвинение в контрреволюционности, направленное против нас, стойких и бестрепетных рыцарей Социальной Революции.

Когда я начал писать свой мотивированный отказ, мне казалось, что придется написать всего несколько слов, но в процессе писания для

меня стало ясно, что нужно так написать свой отказ, что-б он носил коллективный характер. На воле я бы считал это, пожалуй, наивным или ненужным. Кто знает, может не хотелось уйти от жизни не бросив своим папачам своего последнего слова...

Все-же, написав, начал чувствовать глухую неудовлетворенность и тем, что написал так много и, может быть, даже, лишнее. Но рвать не хотелось, чтоб следовательно не принял это за трусость.

А Чистяков был как-то особенно предупредителен, старался не мешать, курил и смотрел в окно, которое выходило во двор тюрьмы. Когда я кончил писать, он чуть ли не с сожалением сказал: "Почему так мало?" и хотел было читать. Но он, должно быть, не мог разобраться в моем почерке (а может это ему нужно было для тех, кто, кажется, сидел за тонкой перегородкой, за которой был слышен какой-то шорох) и он просил меня прочесть ему вслух писанное.

Я благодушно согласился, но сейчас-же обозлился, начал читать быстро и невнятно, комкал слова и спешил закончить и — уйти в свою камеру.

Перед уходом я ему сказал, что глупо не давать нам читать газет и попросил не задерживать зря моих писем (вся корреспонденция моя, ведь, через его липкие руки проходит). Он любезно согласился, пошел было даже, сейчас же искать для меня газету, но затем обещал завтра непременно прислать. Проводил он меня особенно любезно, даже чуть-чуть подобострастно (а кто знает, может поиздеваться захотел) до дверей, где часовой дожидался меня с сильноно скужающим видом. В камере нетерпеливо дожидался меня Давид. Начался обмен впечатлений и далеко за полночь затянулись наши разговоры.

14 января.

Сегодня перед ужином надзиратель просунул к нам в волчок "Известия". Казалось бы чему там радоваться? Газета — казенная, статьи писаны как на заказ. Не почувствуешь пульса настоящей России, не услышишь ее стонов, не увидишь ее борьбы повседневной. А все же мы

"Известия" чрезвычайно обрадовались. Читаем газету вслух. Стараемся по скупой хронике и строго-процензурированным заметкам уловить бие-ние настоящей жизни трудящихся города и деревень.

Плохо только вот что: к нам в нашу полутемную камеру попала беспокойная соседка: госпожа политика. За все время нашей совместной сидки с Давидом мы общих политических вопросов почти не касались. Теперь же к нам попал хоть и заглушенный шум улицы, мы живо заинтересовались, начали обмениваться мнениями — и вновь, как и раньше на воле, вспыхнули споры и разногласия. На воле споры и разногласия не страшны, можно даже обругать друг друга, разойтись на несколько дней, а там — смотри снова встречаешься с удовольствием. А вот тюрьма и еще одиночное заключение в темной сырой камере без прогулок, без достаточной пищи и курева — это, брат, дело скверное, хоть и не касайся проклятой политики. Нервы у обоих нас слегка взвинчены, у Давида вот сердце пошаливает (у него порок сердца), меня ревматизм ног донимает, разругаешься по какому-нибудь пустяшному вопросу и — никуда не уйдешь: дверь на запоре снаружи...

20 января.

Самое ужасное в тюрьме, по моему мнению, это вовсе не лишение свободы, недостаток пищи или что-нибудь в этом роде. Это все, конечно, тяжело, но не это главное. Плохо то, что человек искусственно и насильственно отрывается от жизни, от ее настоящих забот и повседневной борьбы. Арестованный получает даровую пищу (хорошую-ли, скверную-ли — другой вопрос), квартиру, он становится в такое положение, что волей-неволей, о своих (в виде-ли родных, близких, товарищей и т. д.) ему нельзя действительно интересоваться. Даже наоборот "воля", т. е. те-же родные, близкие или товарищи так или иначе заботятся об арестованном. Выработывается, таким образом понемногу какое-то специфическое, беспочвенное и нереальное отношение к жизни, какая-то, если позволено будет так выразиться, тюремная психология. Вместо влияния жизни живой получается, может быть и красивая,

но анемичная и безжизненная теория, вместо революционной практики и борьбы — потусторонность, романтизм и фраза. Кто знает, может быть несчастье нашей революции отчасти в том, что ее судьба в руках людей с беспочвенной и вне-жизненной (следовательно — реакционной: все что не помогает полнейшему и всестороннему проявлению и процветанию жизни — реакция) психологией. Ведь большая часть верховные правящей коммунистической партии сидела либо по тюрьмам, либо в подполье (добровольное заточение и, хочешь — не хочешь, связанность от жизни) либо в эмиграции, где она по кафе и тайным сходкам и с'ездам строила планы, программы и проекты. Многие из них, конечно, нуждались и поголодовывали, но редкие принимали участие в борьбе за существование, редкие зарабатывали свой хлеб в поте лица своего. О большинстве заботилось либо государство (в виде тюремной администрации), либо члены их партии, которые рискуя жизнью на экспроприациях или урывая часть своей скудной заработной платы, поддерживали своих вождей, теоретиков и членов центральных и прочих комитетов. В течение десятилетий выработалась, таким образом, небольшая кучка опасных мечтателей, не знающих жизни, давно оторванных от ее живительного дыхания и, может быть, в тайне, подоса-дительно, даже презирающих ее. Февральская революция дала им возможность вернуться в русскую действительность из тюрем, ссылок или из эмиграции, волны революции (благодаря целому ряду обстоятельств) вынесли их на верх, а они, снабженные планами, проектами и программами, созданными вне жизни, снабженные честолюбием, властолюбием и жадной деятельности начали насильствовать душу революционной жизни по пунктам и параграфам своих мертворожденных теорий.

Революция давно убита, апатия, старшая сестра реакции, овладела душами трудового населения некогда революционной страны. В стране — разруха, голод, холод и эпидемии. Государство давно уже наложило свою мертвящую лапу на рабочие организации и согнуло их в бараний рог. Рабочие обескровлены, изверились, изголодались и страшно устали. Деревня кое-где еще

волнуется, но ее подавляют и терроризируют с неслыханной, даже при царизме, жестокостью. Революционерами, как и встарь, тюрьмы битком набиты. А там наверху, за кремлевскою стеною, отгораживающей их от трудовых масс, живут, пишут декреты, приказы и пекут планы мировой революции опасные маниаки, которые в тюрьмах или подполье потеряли чувство и смысл настоящей жизни...

Было бы, кажется, продолжая эти рассуждения, легко доказать, что нереальность, беспочвенность, отвращение к реальным задачам и требованиям дня и влюбленность в пусто-звонкую фразу — болезни, которыми и наш брат иногда страдает, все это страшные дети уродливой матери, оторванности от жизни и непосредственного участия в ней.

Но я устал сейчас. Кроме того, кажется, надзиратель следит за мной и необходимо незаметно прятать записки.

2 февраля.

Я давно не писал. Дело в том, что за подписью Оли Фрейдли, члена "Комиссии помощи арестованным и больным анархистам при Росс. Конфедерации Анархо-Синдикалистов" я с Давидом получили две больших пачки книг. Набрелись на чтение с жадностью, удалось добиться разрешения иметь в камере свет до тех пор, пока нам заблагорассудится и теперь полнее и плодотворнее проходят дни. Сегодня вечером Давиду удалось незаметно для надзирателей снять с петли форточку, я помог ему поставить ее бесшумно на подоконник и мы получили таким образом, возможность подышать свежим воздухом. Если встать на подоконник и нагнуть голову можно увидеть кусочек беззвездного удивительно синего неба. Хорошо!

3 февраля.

На первой странице "Известий" помещен бюллетень о состоянии здоровья П. А. Кропоткина.

Какое, все-же, безграничное лицемерие! На столбах всяких советских "Правд" сплошь и рядом поносили Петра Алексеевича, всякими мелочами отравляли ему жизнь в Дмитрове, его уче-

ников, последователей и друзей беспощадно преследуют, а вот сейчас для вящего одурачивания пролетариев Зап. Европы будут трогательно заботиться о его пульсе.

5 февраля.

В эти дни я с какой-то особенной внимательностью читаю "Записки Революционера", которых не читал уже чуть-ли не с 1908-го года. В них почти отсутствует свое, интимное, глубоко-интимное, а все же какой прекрасной души человек!

8 февраля.

Я лежал на койке и о чем-то думал. Как то не по обычному тихо вошел новый начальник тюрьмы Дукес, поздоровался вежливо и подал бумажку Давиду. Мелькнула мысль: "Приговор" и, не желая показать тюремщику своему интереса к его неожиданному приходу, я, не меняя позы, смотрел на него безразлично, как в воздух. Но тут я заметил, что Давид как-то заволновался, начал внимательно и, видно, не все соображая, рассматривать поданную ему бумажку. Я спрыгнул с койки и начал тоже читать. Это была телефонограмма комиссии по устройству похорон П. А. Кропоткина в президиум В. Ч. К. с просьбой известить арестованных анархистов о смерти Петра Алексеевича. Внизу было напечатано распоряжение секретаря Президиума В. Ч. К. к начальнику внутренней тюрьмы Дукесу известить всех анархистов, заключенных в его тюрьме. Признаться, в первую минуту меня больше всего поразило, что чекисты почему-то считаются с телефонограммой какой-то анархической комиссии и даже пошли на то, чтобы передать известие с воли в нашу камеру-могилу. А начальник тюрьмы продолжал стоять с удрученным видом, как будто у нас с ним общая потеря. Он, видно, не знал, как ему удобнее уйти (а, может, у него еще какая-нибудь тайная инструкция) и добавил: "Может, вы захотите передать что-нибудь, то есть написать туда в эту комиссию, тогда я найду еще сегодня". Не дожидаясь нашего ответа, он ушел с тем видом деланно-удрученным, который бывает у гробовщиков, когда они ждут богатого

“на-чай”.

Мы долго с Давидом разговаривали и обсуждали происшествие, которое всколыхнуло нашу тюремную жизнь, смахивающую временами на смутно-тяжелый сон.

Вечером написали в Президиум В. Ч. К. следующее заявление: “Получив через ваше посредство извещение о смерти П. А. Кропоткина, мы, анархисты, заключенные во внутренней тюрьме В. Ч. К., считаем возможным выразить наше желание отлучиться из тюрьмы (под честное слово) на похороны нашего учителя.

Хотелось бы думать, что вы не усмотрите в нашей кратковременной отлучке опасности для Социальной Революции”.

Записку эту мы долго обсуждали. Такого рода заявление, вообще, самого неудобоваримого рода литература. Ведь нужно было написать так, чтобы не смахивало на прошение и, вместе с тем, необходимо было намекнуть о нашем согласии дать честное слово, что мы не воспользуемся кратковременной свободой для побега.

Давид сказал:

“Конечно, с нашей стороны это дерзость: надеяться, что из этой конуры нас куда-нибудь выпустят. А все-же заявление писать надо. Во-первых, пусть оно хоть в архиве В. Ч. К. останется, и то хорошо. А, во-вторых, кто знает? Неизвестно, ведь, что делается на воле”.

Постучались в дверь, попросили надзирателя вызвать к нам начальника тюрьмы. Явился к нам помощник начальника и забрал у нас записку.

11 февраля.

Мы пока никакого ответа не получили. Втайне друг от друга нервничаем.

(Продолжение в след. номере).

Начали с Давидом сегодня разговор о революционной деятельности П. А., незаметно перешли к наиболее важным вопросам нашей теории и практики (анархо-коммунизм, анархо-синдикализм и т. п.) и наша спокойная беседа сразу получила более раздраженный оттенок. Нет, брат, это дело бросить надо: пока сидишь в тюрьме, особенно в наглухо-запертой камере, нужно избегать обсуждения тех вопросов, которые могут вызвать ненужное взаимное раздражение.

До вечера ходили молча и слегка раздраженно из угла в угол. Ночью, когда потухло электричество, мы бесшумно открыли форточку и жадно вдыхали пьянящие-холодный воздух. Затем устроили “литературный вечер”: я кратко рассказал Давиду биографию Поля Верлена, его искания, падения и взлеты, а потом переводил ему вслух те верленовские стихи, которые помню наизусть. Давид, в свою очередь, своим тихим, чуть-чуть певучим голосом декламировал из молодых русских поэтов. А я лежал на койке, закрывши глаза, слушал певучую речь и уносился в даль далекую...

...“Ты умеешь улыбаться
Тихим трепетом ресниц.
Сладко в небе колыхаться
Перелетным стаям птиц.

Ты умеешь быть желанной
Сквозь вседневные слова.
Дышит ветер над Саванной
Знойно клонится трава”.

Тюрьмы нет... Я вижу пустыню, солнцем сожженную, юношу, сердце которого охвачено знойно всепоглощающей любовью. Визгу и улыбку девственную тихого трепета ресниц...

Вступительный и опустошающий манифест к чернознаменцам.

ого—ГО! гу—ГУ!

О мои дорогие пламенные чернознаменцы! Вот вам ценный подарок! Маленькая, изящная купальня наших оголенных страстей. Здесь нежные, гордые сердца Равашолы и Андри, здесь озверевший грозный кашель динамита и безу-

мно-хлесткие прутья грозы, здесь надменное, могущественное чело Единственного и белокурого, окровавленное личико мечтательной Коммуны. —Все! все в этой купальне! ибо в ней, как изумрудная рыбка, плещется маленький, искре-

иний ребенок с именем Гения.

В наш безвременный век, век грубого дегенератства и утонченного, но хрупкого сверхчеловечества. Дело освобождения трагически осложняется.

Виднейшие Женихи Свободы Анархисты, бесподобно-удачно и метко оплевавшие подагрические мозги морали, Науки и Религии, оставили в опасном забвении самого жестокого и бешеного тюремщика Безвластия — Культуру Человечества. Этот старенький, архивный кумирчик, благодаря нашему безсилию, удачно осуществляет свою предательскую миссию до настоящего времени. Это он расторгнул наше ликующее родство с Природой, Могуущественным и Мудрым Первоисточником нашей жизни. Это он превратил нас в безвольные винтики экономического фатализма и заверил, что даже маленький капитализм одного из них ведет наше "победоносное" существование к катастрофе.

Это он воздвигает сырые кладбищенские саркофаги, к стенкам которых прибивает молотком классицизма чучела летучих мышей, парализуя и пугая умы легковверных художников. Это он нагло и хладнокровно растлеивает нашу девственную, восторженную Мысль и потом отводит ей место в своем позорном гареме!

Он отравляет наши легкие ядовитым дымом фабричных труб! Он давит наши истомленные

глаза кошмарными массивами больших городов! Он приводит нас в отчаяние, коверкает, обессиливает и потом услужливо подсовывает нам опий, эфир, кокаин, алкоголь!

Он! он! все он!

О вы видите огромное огненное кольцо, на задыхающемся от разрывающего ужаса, небе. Но это не венец!.. о нет! это надгробная эпитафия на могилу человечества! это последняя предательская шутка культуры! Да вы разумеется видите. Я затыкаю уши от вашего сумасшедшего, испуганного крика: О, он преступник! он величайший преступник! Но что же нам делать!? О что же нам делать!?!

—Тише, мои возлюбленные чернознаменцы! не ревите, как глупые, перепуганные дети. К бою! я зову вас к бою! ловите хитрого предателя и вырвите его тысячелетнее, гнилое сердце острыми, ненавидящими зубами своего огненного презрения.

Итак начинаем охоту. Я выпускаю на волю грозных, оскальчившихся борзых. Я дарю вам, чернознаменцы, мои поэмы; они не что иное, как несколько кусков моего мяса, мозга, нервов и крови. Пусть ваша Творческая Воля выкроит из них непримиримых отрицателей Мира и его Культуры.

Анатолий Консе.

ПОХОД ЧЕРНОЗНАМЕНЦЕВ.

Опять упразднен покой!
И так грубо, динамитом
И разгаром свирепости.
На улицах бой.
Буржуа удрал под защиту
Полиции...
Позор! нарушены традиции!
Заводы обращены в крепости!
Что за крики: Прочь от власти покойники!
Погребальщики справедливости!
Строй баррикады, народ!
Да, город в тревоге;
Ряд закрытых ворот
Полон бледной трусливости...
Ох, опасность близка!

Вот они! вот эти разбойники!
Это чернознаменцы, о буржуа!
Так страшны фанатизмом!
Выше жизни
Водрузили черное знамя возстания.
Но разве смерть не страшна?
Нет, инсургенты о ней особого мнения;
Манифест их к рабочему воинству
Звонкий экспромт из огня:
Бей по веку довольного жира
Топором разрушения!
Странные люди! видят в непризнании
Мира
Колоссальное достоинство.

Анатолий Консе.

Б Ю Л Л Е Т Е Н Ь

ОБЪЕДИНЕННОГО КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В РОССИИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

№ 7.

Июль 1924 года

Берлин.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ СОЛОВЕЦК. МУЧЕНИКОВ!

Мы уже в № 6 "Бюллетеня" привели отрывок из письма об ужасном физическом состоянии заключенных в Соловках. Эти сведения продолжают поступать к нам с разных сторон, от социалистов и анархистов всех направлений. Среди заключенных свирепствует цынга и брюшной тиф; у большинства из них фурункулез. Требуется не только пища, но и лекарства, как хинин и т. п.

Но эта нужда велика не только среди соловецких затворников, но и среди многих других тысяч заключенных, к которым внимание мира менее приковано, чем к Соловкам. Эти тысячи разбросаны по просторам Сибири, Нарыма, Урала, где в одиночестве и незаметно они ежедневно должны отстаивать в тяжелой борьбе свою жизнь и честь. (Ольга Романова и др.). Все эти заключенные и слышные нуждаются не только в моральной, но еще и в материальной помощи. Им нужен хлеб, им нужна одежда, им нужны лекарства, им нужны карманные деньги, чтобы изредка отправлять письма.

До сих пор работа нашего Комитета сводилась больше к оказанию моральной помощи. На шести языках (немецком, русском, французском, английском, испанском и голландском) мы общались революционной прессе всего мира о героических страданиях русских революционеров. Сведения эти перепечатывались везде, в Европе, в Америке, в Индии, в Китае, где только бьется сердце трудящихся. Ряд многочисленных митингов местных Комитетов Защиты был организован во Франции, Германии, Англии, Америке.

Но этого мало. Правительство большевиков продолжает вести курс на физическое истребление своих пленников. Оно доводит их до самоубийства (путем голодовок и самосожигания), до душевных болезней. Систематический голод в тюрьме и ссылке является лучшим помощни-

ком русского правительства в этой борьбе с революционерами.

Поэтому мы еще раз обращаемся ко всем трудящимся, ко всем честным революционерам с горячим призывом. Спасайте жизнь и здоровье заключенных в России! Присылайте нам систематически материальную помощь! Дело не терпит никакого отлагательства!

УБИЙСТВО КОГАНА И АХТЫРСКОГО.

Еще в ноябре 1923 г. мы стали добиваться от русского правительства ответа куда оно девало анархистов Давида Когана и Ивана Ахтырского, бесследно исчезнувших в казематах Чека. Несмотря на помощь Межд. Тов. Рабочих и французского Комитета Защиты, мы до сих пор не получили ответа на этот волнующий вопрос. Товарищи из России сообщают, что несмотря на все свои старания, они не сумели узнать местопребывание пропавших товарищей. Тем самым окончательно подтверждается самое мрачное наше предположение: двое честных и самоотверженных революционеров-рабочих Давид Коган и Иван Ахтырский, тайком расстреляны большевистским правительством.

Трудящиеся всего мира! Не забывайте этого отвратительного преступления большевиков! Позор палачам — душителям революции!

Е. РУБИНЧИК.

Мы уже писали, что т. Рубинчик, заведующий анархо-синдикалистским издательством в России "Голос Труда" сослан на 3 года на дальний Север. Этим актом русское правительство, хотело окончательно разгромить единственное в России издательство, выпустившее в свет творения Кропоткина, Бакунина, Гюйо, Пеллу-тье. Рубинчик болен цынгой и базедовой болезнью в сильной степени, требующей операции. Чека была вынуждена привезти его обратно в Москву, где судьба его и должна быть решена.

РЕПРЕССИИ В РОССИИ.

В последние месяцы начались сильные преследования беспартийного студенчества в России. В Петрограде в течение нескольких дней тюрьмы были переполнены молодежью. Тысячи исключаются из высших учебных заведений ("чистка") и обрекаются на лишения. В одной из нелегальных прокламаций, полученных нами, мы читаем следующее: "мы живем в стране с кучкой олигархов и массой бесправных рабов. Атмосфера насыщена опшумом революционной фразеологии. Головы масс отуманены; они превращены в рукоподнимательную машинку... Только безконтрольной и бессмысленной диктатуре Р. К. П. современная молодежь обязана страданиями, теми разбитыми и убитыми жизнями, которые несет с собой чистка. Диктатура гнетет всех, на всех действует разлагающе..."

На днях через Москву отправлены в Соловки шестьдесят пять петроградских студентов. Начальство, видно, не ограничивается тем, что "вычистили" несчастную молодежь из высших учебных заведений. "От вокзала до Таганской тюрьмы, арестованные студенты шли с пением революционных песен. Раздавались крики: "дойлой насильников-большевиков". В ссылку идут как на праздник. Такого подъема, такого молодого энтузиазма давно не видала "красная" Москва".

Большие аресты произведены и в Москве.

В Москве арестовано 18 левых с.—р., в том числе Аделъ Радучная, Мария Витришак и др.

В Ярославской каторжной тюрьме левый с.—р. Яков Браун (о котором мы упоминали в предыдущих "Бюллетенях") провел голодовку в 12 дней. Причины неизвестны пока.

Арестованный недавно в Петрограде анархист Алексей Олонецкий препровожден в Ярославскую каторжную тюрьму. Еще 26 ноября 1920 г. А. Олонецкий вместе со многими другими анархистами был арестован в Харькове. За долгие месяцы сидения ему пришлось перенести все лишения Московской "Внутренней Тюрьмы"

Чека и провинциальных тюрем, знаменитое избитие в Бутырьках в апреле 1921 г. Олонецкий работал нелегально при Деникине в Одессе. В итоге всей своей тяжелой жизни он стал больным человеком (ревматизм и сердечн. болезнь).

ИЗ ССЫЛКИ.

Берем из № 3 "Знамени Борьбы" (органа лев. с.—р. и максималистов) следующий отрывок: "Современная ссылка живет более разрозненно, чем в царское время, вследствие отсутствия какой бы то ни было организации и кас взаимопомощи. Объясняется это не индифферентностью ссылных к репрессиям Г. П. У., которое в Вятской губ. арестовало 6 ссылных (Студенецкого, Бейлина, Поршеневскую и др.) и отравило их в Челябинскую каторжную тюрьму на 3 года (ныне изолятор), а 4 отправило в самые глухие углы по обвинению в организации старостата и касом взаимопомощи. Почти по аналогичному же делу, в апреле этого года в Устюге (Сев. Двинской губ.) были арестованы 12 человек для отправки их в концлагерь. Трое ссылных отказались подчиниться такому произволу и при попытке взять их силой облили себя керосином и подожгли. Только быстро ворвавшиеся тюремщики успели потушить живые фанелы. Один из них, тов. Стружинский, как наиболее сильный, долго сопротивлялся, поэтому пострадал довольно сильно. В связи с этим была объявлена голодовка, после чего всех троих отправили в Москву, куда вызвали и нач. местного Г. П. У., очевидно для получения награды. Каждый ссылный с трепетом ждет окончания срока, т. к. большевики в последнее время начинают практиковать следующее: окончившего срок они арестовывают вновь и по новому постановлению отправляют в концлагерь или в более далекие края. Некоторым же, как анархисту Нехамнесу, Ирине Каховской (л. с.—р.), разрешили по окончании ссылки жить везде, кроме губернских городов, промышленных центров и пограничных губерний. Одну ссылную эс-арку после болезни оспой и почти ослепленную выслали из г. Бизенги в глухую деревушку из-за того, что она не "ладила" с Г. П. У. И так без конца. Обыски среди ссылных явление обыч-

ное и регулярное. Чекисты бесцеремонно роются везде и всюду. Если же ко всему сказанному прибавить, что сыльные социалисты и анархисты не могут быть членами профсоюзов, то положение сылки обрисуется вполне.

Нам пишут: левый с.—р. Юрий Панибратцев отправлен в ссылку в Усть-Кулом, 270 верст от Усть-Сысольска (на далеком Севере). Усть-Кулом значит на зырянском языке "врата смерти". Село это заслуживает вполне своего названия. Это какая то дыра, в которой местные жители-зыряне не владеют русским языком. Народ этот бедный, темный и запуганный; живут по дикарски. Земля плохая, обрабатывают ее допотопными плугами. Всего здесь 5 политических сыльных. Можно себе представить их положение.

СПИРИДОНОВА И ИЗМАЙЛОВИЧ.

Нами получены тревожные сведения о состо-

янии здоровья Марии Спиридоновой и Александры Измайлович, сидящих до сих пор в тюрьме. У Спиридоновой — сильные сердечные припадки; Измайлович — больна склерозом.

МИТИНГ В АМЕРИКЕ.

6 июня в Нью-Йорке в "Карнеги Голл" состоялся митинг протеста против большевистских преследований в России, устроенный группой американских либералов, стоящих близко к журналу "Нэшнл". Нашим Комитетом была отправлена устроителям митинга следующая радио: "Приветствуем митинг. Большевистские преследования политических заключенных вызывают протест всякого честного человека. Условия тюремной жизни ужасны и вызывают голодовки и самоубийства. Настоятельно необходим протест всего мира и материальная помощь.

Об'ед. Комитет Защиты Заключ. Рев. в России".